П.66

ПИОНЕР

21
22

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ 1933

РЗФ

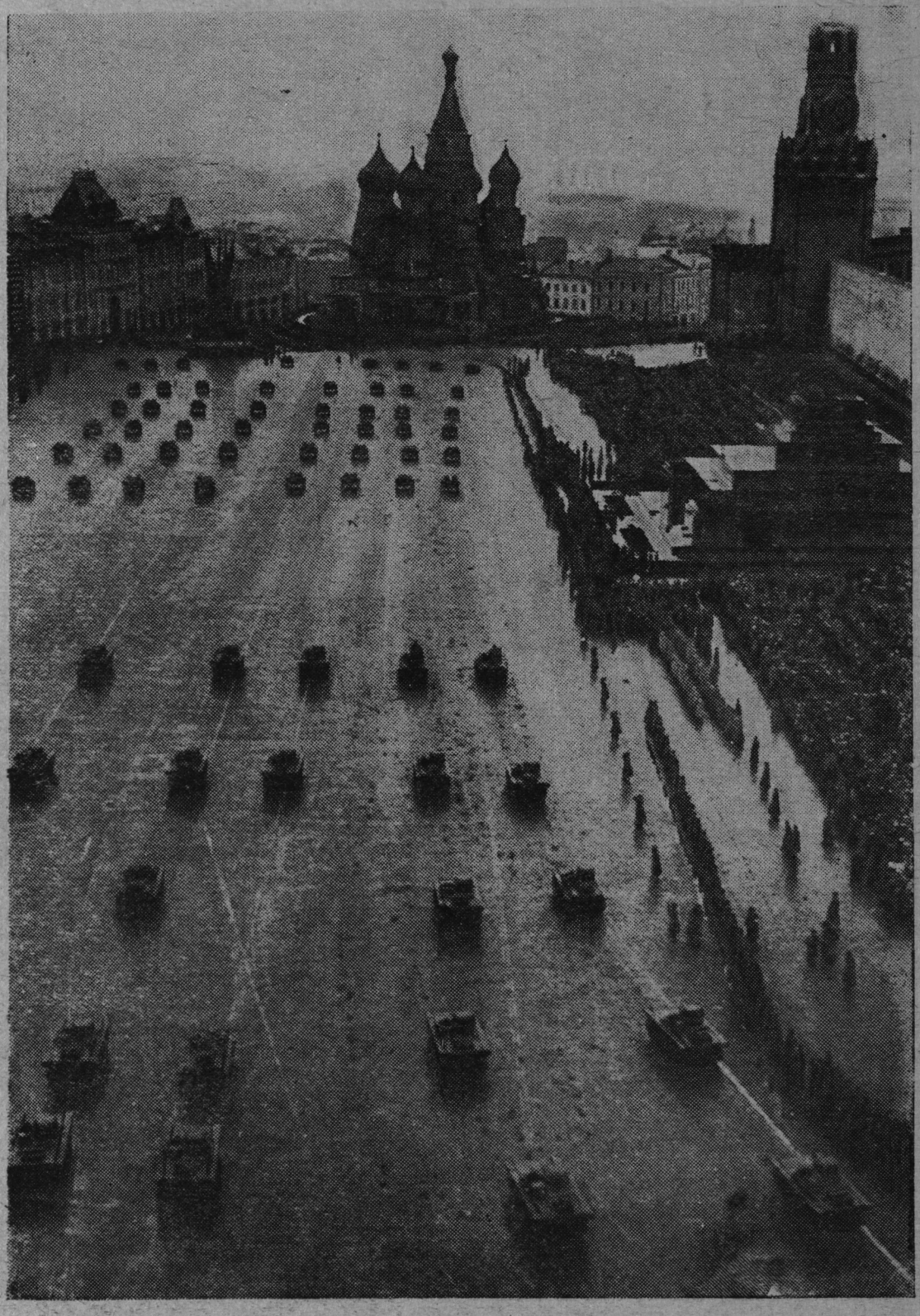
К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПИОНЕР

№ 21-22

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76.

Ноябрь 1933 г.



Октябрьский парад в Москве 7 ноября 1933 г. Марш механизированных частей.

П29
34 2

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт № 22
ОБЛАСТНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ
3-е отд. Г.П.Б.
БИБЛИОТЕКА

Очерк Е. Данько
Рисунки Б. Берендгофа

7 АВГУСТА 1787 Г.

Зимний дворец строила для себя царица Елизавета.

Тысячи работников трудились на постройке от зари до зари. Они жили в шалашах и землянках среди болота. Они болели цынгой, падали замертво под кнутами десятников.

Дворец выстроили огромный. Его кровля, украшенная статуями, возвышалась над всем Петербургом. Его залы сверкали позолотой. Новая царица—Екатерина — приказала замостить болото перед дворцом. Болото превратилось в Дворцовую площадь. Берег Невы обложили гранитом и стали мостить берега речки Фонтанки, где тогда кончался город и начинались глухие леса.

И тут невиданное и неслыханное приключилось дело.

Утром 7 августа будочники, мирно дремавшие в своих будках, выскочили наружу, протирая глаза и глазам не веря. Господа, высунувшись из карет, тузили своих кучеров в спины и гнали их домой. Дворовые выглядывали из ворот в ту сторону, куда уже лупили босыми пятками мальчишки, бежали уличные продавцы, ковыляли инвалиды и откуда слышался крик:

— Идут мужики!

А с Фонтанки мимо Царицына Луга прямо на Дворцовую площадь шли мужики.

Шли бородатые в чистых рубахах и чистых онучах. Шли не вразброд, а стройно, по двадцать в ряд— всего двадцать рядов. Шли тихие, строгие, не глядя по сторонам. Впереди бородатый старик нес какую-то грамоту.

На Дворцовой площади мужики встали плотной толпой и глядели на дворцовые окна, тихо переговариваясь:

— Кабы знать, в каком она покое...

— Небось, выглянет в окно, увидим...

— Гляди, гляди,, подошла... вон в этом окошке.

— Ну, братцы, не робей... теперь разом...

Мужики упали на колени и били лбом в пыльную площадь. Старик перекрестился, поднял грамоту и показал ее даме, глядевшей из окна:

— Царица-матушка! Будь милостива!

Дама в окне всплеснула руками и отшатнулась. Это была не царица, а царицына кудрявая фрейлина.

— Ну ладно, она пойдет, царице расскажет... Теперь царица сама выглянет...— утешали себя мужики.

Из дворца, как блестящие жуки, выползали лакеи в малиновых ливреях с позументом и опасливо подбирались к мужикам:

— Пошто пришли? Что вам надо?

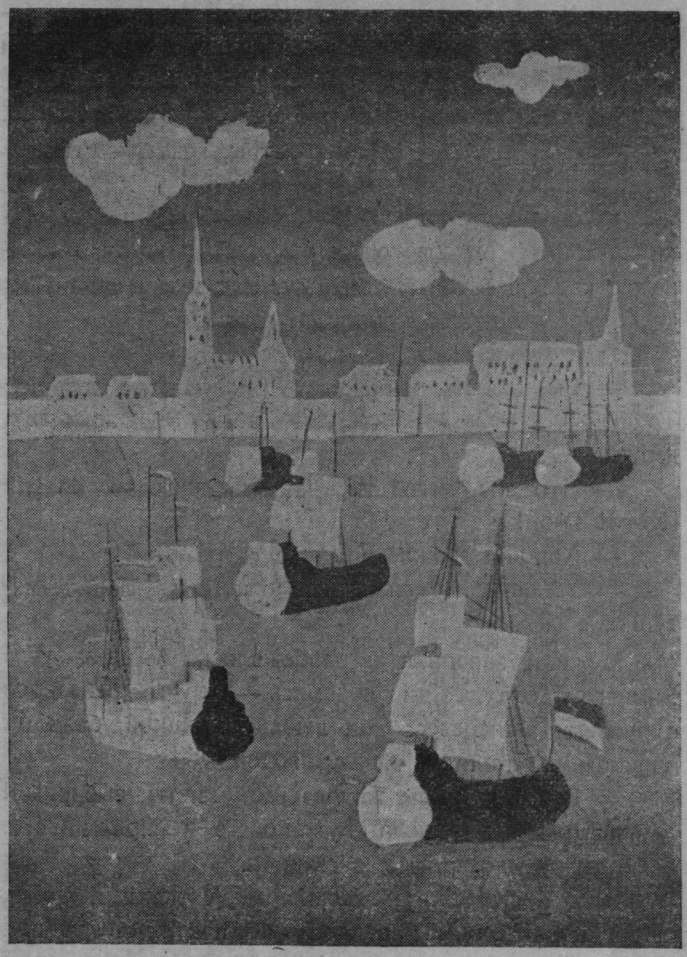
— Пошто пришли, скажем одной царице... пойди, мил человек, шепни ей,— мужики-де челом бьют...

Лакеи уползли обратно.

В окне опять показалась дама.

— Царица-матушка! — мужики грохнулись на колени.

Старик поднял грамоту трясущейся рукой.



Петербург 200 лет назад

— Будь милостива!

Из окна глядела не царица, а царицына быстроглазая горничная.

На под'езд вышел генерал-ад'ютант, весь увешанный орденами, гордый и яростный, как индюк.

— Шаво пришел мужик? Шаво надо? Давай сюда шэлобитная и марш, марш во-свояси!

— Чего пришли, скажем одной царице, а тебе, немчину, нашу челобитную и в руки не дадим.

Генерал-ад'ютант Ангальт вернулся во дворец дураком. Мужики словно приросли к площади. Они, не спуская глаз, смотрели на дворцовые окна. Из окон никто не выглядывал. Царица пряталась в дальних по-

Гос. Публичная Библиотека

коях и нюхала душистый спирт, чтобы не упасть в обморок.

Проходили часы. Под стенами домов жалась толпа зевак. Уже тень от дворца перекрывала площадь.

Франтоватые мастеровые затесались в мужицкую толпу. Они завели с мужиками ласковые речи:

— Здорово, земляки. Аль вас кто обидел?

Мастеровой крестьянину свой брат. Разговорились мужики.

— Каменотесы мы да плотники с Фонтанной набережной, а жалоба наша на подрядчика Долгова. Он — изверг, окаянный.

— Людей морит голодом, стегает плетьми нещадно, без вины сажает в железы...

— Нету сил терпеть мученья от господина подрядчика! Вот выйдет царица, повалимся ей в ноги и все расскажем! Она милостивая, она защитит...

Слушали мастеровые, украдкой перемигивались.

— Так, так. А кто вам, братцы, грамотку писал? Свой аль чужой?

— Зачем чужой? Я писал да Трифон... А Михайло-хромой присоветовал: выбирай, говорит, выборных с каждой сотни по десятку. Нас ведь на Фонтанке четыре тыщи работников. И выбрали.

Усмехнулись мастеровые:

— Вы, значит, выборные? Так. Так. А который Трифон — этот? А Михайло — тот? Эй, лови их, держи.

— Что ты, что ты, касатик? Своево брата? Пусти! О-ой!

— Хорошо держи! Старика с грамотой!

— Убивают... спасите, братцы! Царица-матушка...

Мужики завопили и разбежались. А из-за угла Зимнего — откуда ни возьмись — отряд гренадеров с ружьями наперевес. Они ловили мужиков, били их прикладами, тащили, вязали, волокли.

— Будешь царице жаловаться? Ух ты, выборный!

Мастеровые повели мужиков в уголовный суд. Были то не мастеровые, а сыщики.

Всю ночь вокруг дворца раз'езжали патрули, цокая подковами. Под воротами прятались пушки. Царица боялась мужицкого бунта.

В суде полицейские на смерть пороли пойманных мужиков.

— Ох, как защитила нас матушка-царица!

9 ЯНВАРЯ 1905 Г.

Прошло сто с лишним лет.

Был ясный, морозный день. На Дворцовой площади сверкали штыки. Мутно блестели тяжелые пушки. Слышался лязг сабель и звон шпор. Кони фыркали. На Дворцовой площади плотной стеной стояли войска.

На Невском, у выхода на площадь, чернела толпа. Рабочие, приодетые по-праздничному, старики и молодежь, женщины и подростки, вытянув шеи, глядели вперед. Лица у них были радостные. Над рядами серых шинелей на площади кроваво краснели высокие стены Зимнего дворца.

Толпа росла и густела. Из-за застав, от заводов, с верфей приходили люди. Толпа растекалась вдоль стены Главного штаба, переплескивалась на площадь, тянулась к дворцу.

Путь к дворцу преграждали солдаты. Они тыкали в грудь подходивших.

— Куда прешь? Осади назад! Слышал? Оса-ади!

Люди обижались.

— Да почему ты не пускаешь? К нам сейчас царь выйдет! Царь выйдет к русскому народу, пойми!

Солдаты хмуро глядели в землю. Офицер теребил усы и щурился на толпу злыми глазами.

— Оса-ади!

Люди отступали, входили в Александровский сад, прижимались к решотке, чтобы быть поближе к дворцу. И смотрели на дворцовые окна.

В саду катались на коньках ребятишки. Вороны, каркая, вились среди голых веток. Снег сверкал на солнце. Рабочие негромко заговаривали с солдатами.

— Потому мы и пришли, что жить нет возможности! Вовсе народ обеднял! Так и скажем царю: ты наш отец, защити твоих детей! И он защитит! Он милостивый!

Солдаты тоскливо моргали:

— Шли бы вы домой, а мы—по казармам!

— Нельзя нам домой! Шагу нам нет назад! Помрем здесь, а правды добьемся!

Время шло. Лица солдат стали сизыми от холода. Солдаты притоптывали застывшими ногами. Где-то пробили часы: два часа.

Люди опять хлынули на площадь.

— Пусти, мы к царю идем!

— Куда прете? Нету царя! Уехал он. Дворец пустой стоит!

— Пустой-ой? Значит, был царь, да весь вышел? Эхе-хе!

Насмешки посыпались на солдат. Вдруг на площади сверкнули штыки, двинулись ряды войск. Мальчишки полезли на деревья:

— Гляди, гляди, что будет! Ванька, пусти, мне не видать!

Рота солдат вышла вперед и построилась в два ряда. Краснолицый офицер скомандовал:

— Смирно!

Солдаты всколыхнулись и замерли. Стало тихо. Офицер звякнул шашкой.

— Приказываю разойтись!

Люди молча смотрели на офицера. Никто не двинулся. Офицер махнул рукой. Солдаты опустились на одно колено и взяли на прицел. Заиграл рожок.

— Цельсь!

— Что вы делаете, убийцы?

— Пли!

— Ничего, ничего, это холостой...

— Ааа... матушки... убили!

— Кровь хлещет!

Люди упали в снег. С деревьев посыпались подстреленные мальчишки. Солдаты сделали полуоборот направо, и снова раздался залп.

— Палачи! Мерзавцы!

...Потом полуоборот и... еще залп.

Толпа убегала. На снегу чернели тела. Из-под них расползались кровавые лужи. На решотке сада висел вниз головой убитый мальчишка. Женщина тащилась на коленях, держась рукой за бок, и тихо плакала. Краснощекий парень лежал навзничь, удивленно подняв брови.

Уцелевшие убегали от ужаса, они натыкались на столбы. Ломали руки. Грозили кулаками Зимнему дворцу.

— Нет у нас больше царя! Будь проклят, убийца!

Толпились на перекрестках. Кто-то сказал:

— А на Васильевском острове рабочие разгромили ружейную лавку, похватали наганы. На баррикаде красный флаг!

— Так и надо. С наганом к царю надо итти, а мы, дурни, с крестом шли!

И, взобравшись на тумбу, кто-то громко читал листок социал-демократов большевиков:

«Не просить царя и даже не требовать от него. Не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать всю самодержавную шайку,— только таким путем мы добьемся свободы».

Казаки вылетали из-за угла, хлестали нагайками. Люди разбегались. Но все громче слышался по городу крик:

— Нету у нас царя! Был да весь вышел!

25 ОКТЯБРЯ 1917 Г.

На кровле Зимнего стоит маленький домик, похожий на перечницу. В нем—телеграф.

25 октября 1917 г. в домике сидел офицер, нагнувшись над аппаратом. Аппарат постукивал:

— Та-та-та-та-ти. Та-та-та.

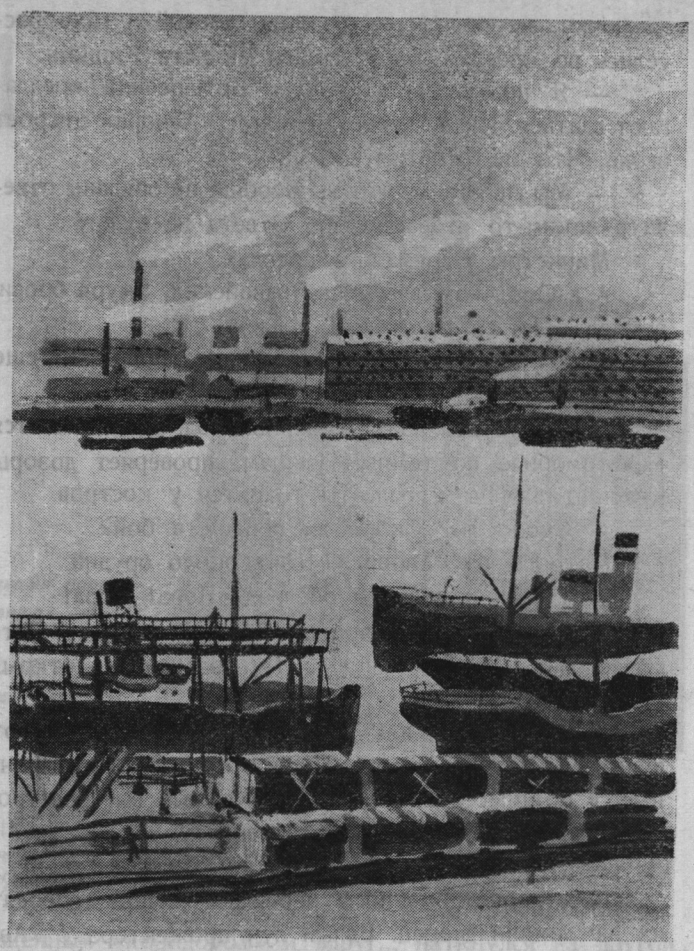
Если бы офицер вышел на кровлю и огляделся, он увидел бы: на Неве стоит крейсер «Аврора», направив орудия на дворец! Вверх по Неве идут миноноски. Матросы, опоясанные пулеметными лентами, прыгают из лодок на береговой гранит. Со всех сторон ко дворцу идут красногвардейцы, они подползают цепью, ставят на углах дозоры, прильнув к стенам, высматривают врага. По Невскому движется броневик. На нем красное полотнище: «Вся власть советам!»

Но офицер не видел ничего. Он отправлял телеграмму за телеграммой:

— Всем. Всем. Всем. Сплотитесь вокруг временного правительства!

— Всем. Всем. Всем. Организуйте отпор большевикам!

А город уже был во власти большевиков. Весь город был за власть советов. Только в старом царском



В Ленинградском порту

дворце засели министры. Их охраняли юнкера и женский батальон. Министры сидели в Малахитовом зале среди зеленых колонн и красных парчевых портьер. В огромные окна лился пасмурный свет. Орудия «Авроры» и пушки Петропавловки глядели в упор на Зимний дворец. Министры слонялись из угла в угол.

— Что грозит дворцу, если «Аврора» откроет огонь?

— Он превратится в груду развалин... Прицел хороший...

— Пустяки. Они не посмеют стрелять. Керенский приведет войска и восстановит порядок.

Министры ждали, что Керенский придет с войсками из Гатчины и усмирит большевиков.

В этот час из ворот Смольного, ощетинившись штыками, выезжали грузовики. Матросы хлопотали у пулеметов. Лестницы гудели под сапогами солдат. В Белом зале шло заседание Петроградского совета. На трибуну вышел Владимир Ильич Ленин. Он сказал:

— Товарищи! Рабоче-крестьянская революция совершилась! У нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, чуждый какой бы то ни было буржуазии!

Смольный горел огнями. В Смольный стекались делегаты на II с'езд советов. Зимний дворец потушил свои огни. Министры боялись обстрела. Они переползли в другую комнату, окнами на двор. Зажгли одну

лампочку, загородили ее от окна газетой и тихо расселись по креслам. Вдруг вошел министр Кишкин.

— Я получил ультиматум. Большевики предлагают сдаться. Иначе через 20 минут «Аврора» откроет огонь. Что мы ответим?

— Мы полагаем, что мы вообще не обязаны отвечать каким-то «товарищам». Ответа не будет.

Министры задремали в креслах.

А в Смольном товарищ Подвойский, хмуря брови, прочел записку Владимира Ильича:

«Пора начинать заседание с'езда, а Зимний еще не взят».

Зимний будет взят. Товарищ Подвойский мчится в автомобиле по темным улицам, проверяет дозоры Красногвардейцы и солдаты толпятся у костров.

— Скоро ли? Скоро ли пойдем в бой?

Матросы на «Авроре» стоят около орудий.

— Скоро ли начнем обстрел? Пора! Пора!

— Подождите, товарищи. Первою стреляет Петропавловка. Ухнет пушка с Петропавловки—открывайте огонь!

Товарищи Антонов и Благонравов осматривают пушки в Петропавловке. Пушки старые, заржавленные, в компрессорах нет масла. Каждый выстрел грозит смертью отважному артиллеристу.

— Пускай!

Бесстрашные матросы заряжают пушки, наводят их на Зимний дворец. Белый луч прожектора с «Авроры» ярко освещает громаду дворца. Все готово. Нынче ночью впервые в истории Петропавловка будет палить по Зимнему дворцу!

Все ближе, все громче ружейная перестрелка.

Министры вцепились в ручки кресел. Вздрагивали при каждом залпе и... ждали... Прибегали бледные офицеры, докладывали:

— Ударницы бросили винтовки...

— Юнкера-павловцы уходят и увозят пулеметы...

— Зимний остается без защитников... Зимний наполняется солдатами, матросами, красногвардейцами.

Вдруг где-то во дворце начался шум. Он стал расти, шириться, приближаться. Министры вскочили и схватили свои пальто. Вбежал юнкер.

— Дворец занят! Все сдались... Большевики здесь... Они идут сюда. Они сейчас войдут. Что прикажет временное правительство?

— Мы сдаемся! Бегите и скажите им, скорей, скорей! Сдаемся! Не надо крови! Мы сдались!

— Слушаюсь, господин министр!

Шум затих. Министры отложили пальто, уселись за стол, поправили воротнички. Дверь распахнулась под напором толпы.

— Вы члены временного правительства? Именем Военно-революционного комитета вы арестованы!

Красногвардейцы окружили министров. Молодой матрос обернулся к двери и, махнув бескозыркой, крикнул в толпу:

— Товарищи! Власть капиталистов сброшена! Да здравствует пролетарская революция!

Ночью на штурме Зимнего дворца

ТРИ ОРДЕНА

В октябрьскую демонстрацию на Красной площади первой идет колонна заслуженных красногвардейцев и красных партизан. Идут люди с орденами на груди, первые защитники Советской страны.

Пионерский привет — защитникам Октября, высоко несущим знамя партии большевиков на всех фронтах нашей борьбы.

Даем слово тов. Вальдману — герою гражданской войны, ударнику социалистической стройки.

Железный коридор

В девятнадцатом году я был партизаном на Украине. Мы воевали с деникинцами, с немцами, с войсками гетмана Скоропадского и со всевозможными мелкими бандитскими «правительствами». Города и села чуть ли не ежедневно переходили из рук в руки.

Врагов было много, и наши партизанские отряды прямо таяли. Каждый день нас могли окружить и уничтожить. Нужно было во что бы то ни стало уйти на север к своим, чтобы, собравшись там с силами, снова вернуться добивать белых. Но от Советской страны мы были отрезаны линией фронта. Путь был один — пробиться через войска белогвардейцев.

Партизанскими отрядами Южной группы руководил товарищ Якир. Он выбрал группу командиров, которые не теряются в опасности, могут действовать на свой страх, драться самостоятельно, если их отрежут от остальных.

В эту группу вошел и я. Мой отряд должен был прорваться через очень сильную группу деникинцев. Справа, слева, впереди были враги. Каждую минуту они могли сомкнуть кольцо и отрезать нас от остальных. Наш путь лежал через Гайсин, Бершадь, Житомир. В каждом местечке мы выдерживали сильный бой, в каждом белых было во много раз больше. Но у партизан была твердость большевиков. Они помнили, что нужно пробиться.

Мой отряд был в семьдесят сабель, но каждый партизан дрался за четверых.

Мы пришли в местечко Бершадь вечером. В первом же доме нас предупредили, что близко враг. Нужно было выслать разведку. Я решил участвовать в ней сам. Семидесятилетний старик вызвался проводить нас и показать, где белые заставы.

По дороге мы поймали белогвардейца, узнали у него пароль и смело двинулись дальше.

Вдруг слышим: «Стой, кто идет?»

— Крест.

Белый опустил винтовку и через минуту застава — шесть человек — была разоружена и связана.

Дорога свободна. Я повел вперед тачанку с пулеметом. Двести пятьдесят сабель белой конницы бились против моего отряда, но после полуторачасовой схватки наш верховой уже умчался в штаб к товарищу Якиру с донесением: «Путь свободен».

Через двадцать минут я с отрядом поскакал расчищенным «коридором» и вдруг... наткнулся на другой сильный отряд. Триста человек белой пехоты, хорошо вооруженной пулеметами, стояли на нашем пути.

Снова завязался бой. Нас было вчетверо меньше, но мы были быстры и увертливы. Казалось, партизаны умудрялись биться сразу в нескольких местах. После часового боя мы разбили и пехоту. На этот раз путь действительно был свободен.

Так мы шли от местечка к местечку, от схватки к схватке, расчищая дорогу остальным.

С моим отрядом я выполнил задание — вывел партизан на север, к красным. За это и получил свой первый орден Красного знамени.

Домик в лесу

Это были тревожные годы. В то время как мы бились с поляками, кулачье подняло восстание в Тамбовской губернии.

Атаман Антонов был неуловим. Банда собиралась, налетала на города, жгла, громила, истязала коммунистов, а потом исчезала, будто таяла. Кулацкие деревни хорошо прятали своих.

Потом банда снова появлялась как из-под земли и, сделав свое дело, распылялась до новых налетов.

Бригаду за бригадой посылали против бандитов, и все терпели поражение. У Антонова были тысячи ног, глаз, языков. Он знал каждый шаг красных, окруженных кулацким шпионажем, и в подходящую минуту был тут как тут. То сонную вырежет целую часть, то заманит ее в ловушку и искромсает в пух и прах.

Дело было серьезное, и бригаду Григория Котовского бросили из украинских степей в глубь тамбовских лесов.

Мы били антоновцев. Банда терпела поражение за поражением. Наконец у них остался один полк. Во главе — сам Антонов, его ад'ютант — атаман Матюхин и начальник штаба — Эго. Нужно было добить и эти остатки.

Через двадцать минут я с отрядом поскакал расчищенным „коридором"...

В одной деревне вечерком остановилась наша бригада. Разместились по квартирам. Мне досталась ночевка в кулацкой семье.

Вот лежу я и слышу: в соседней комнате собрались гости, пьют чай. Но чаепитие подозрительное — очень похоже на совещание. Напрягая слух, я ловил отрывки разговоров. Два раза долетело имя Антонова. «Гости» сговаривались, как предупредить его, что мы ночуем в деревне. Не откладывая, я сообщил об этом в штаб бригады, и Котовский отдал приказ:

«Не укладываться спать. Отдыхать одетыми, никому из красноармейцев не выходить на улицу, особенно под утро». Мы были начеку.

Ночь прошла спокойно. Утром собрали сход, допрашивали крестьян, но ничего не добились. Вся деревня укрывала бандитов.

Тогда я напомнил о ночном совещании, и мы взялись за моих хозяев. После долгих угроз и уговоров сын хозяина повел нас в избу, полез за икону и достал бумаги. Это оказался список руководителей банды и адреса. Там был адрес начальника антоновского штаба Эго.

Мы отправились к нему, захватили Эго и предложили помилование, если он поможет нам. Он должен был написать письмо к Антонову, который очень ему доверял.

Эго долго колебался. Потом написал письмо. В этом письме он выдавал нас за отряд атамана Фролова, который будто бы прорвался с Украины для соединения с ним. Эго писал, что антоновцам и фроловцам необходимо встретиться для совместных действий против красных.

С этим письмом мы послали к Антонову командиров Гарри, Захарова и Симонова договариваться о встрече.

Они вернулись с ответом: Антонов сам не сможет быть, потому что ранен. Будет его помощник — атаман Матюхин.

И вот в лесу в назначенный день встретились два отряда — антоновцы и мы, играющие роль банды Фролова.

Нас было 18 командиров, их — 36. Мы нарочно согласились на такую цифру, чтобы доказать им свое миролюбие. В домике лесника за бутылями самогона мы сговаривались с антоновской бандой, как уничтожить бригаду Котовского.

А в это время каждый из нас наметил себе двух ближних бандитов для схватки. Я облюбовал Матюхина и еще одного какого-то. Мы ждали сигнала. И вот среди мирной и как будто полупьяной речи прозвучали грозно и неожиданно слова командира:

— Я—Котовский и всю эту сволочь буду бить!

Выхватив оружие, мы бросились на бандитов, опрокидывая скамьи и стол. Загремела посуда, загремели выстрелы.

Наша хитрость помогла добить Антонова до конца. Вот за это я получил второй орден Красного знамени.

Случай с Тютюнником

В 1921 г. к нам из Польши прорвался атаман Тютюнник. Его банда — две тысячи человек — разоряла нашу Украину. За Тютюнником гонялось много командиров, но он ускользал. И вот я получил приказ Котовского:

«Наступить на хвост Тютюннику».

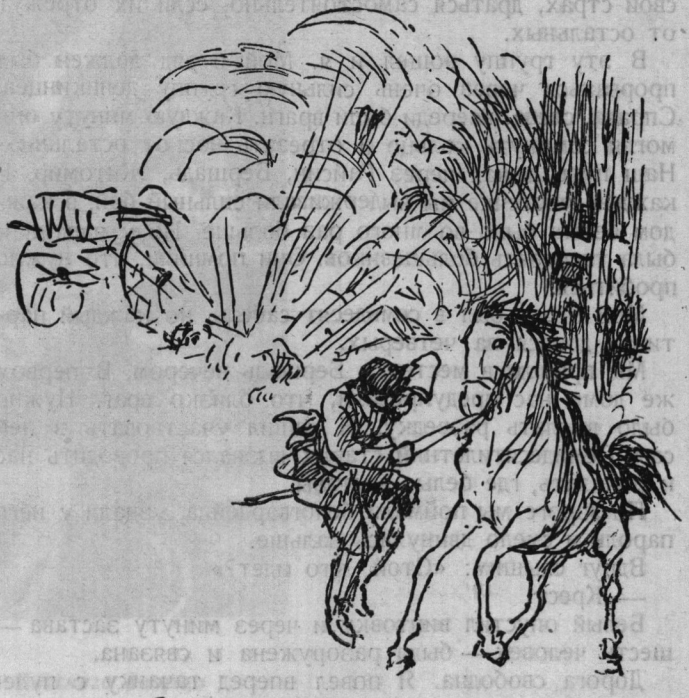
Я догнал его в лесу, у местечка Базар. Недобрым шумом шумел нам лес. Там подстерегали нас тридцать пулеметов-«кольтов» атамана Тютюнника. А место для кавалерийской атаки как на зло неподходящее. Чтобы налететь на Тютюнника на конях, нужно итти в далекий обход. За это время он снова ускользнет.

Я помнил слова командира—«наступить на хвост». Это значит догнать, завязать бой и задержать, пока подоспеет сам Котовский с бригадой.

Где не проедет конный — пройдет пеший. И я отдаю приказ:

— Спешиться!

Я выставил против Тютюнника два пулемета и открыл огонь. Пока он отстреливался, моя часть с лошадьми на поводу пустилась в обход. Тут подошла бригада, завязался настоящий бой, а мы сели на коней и налетели на Тютюнника с тыла. Двойным ударом Тютюнник был разбит. В конце боя я наскочил в обозе на «министра финансов» из правительства Тютюнника. Видя, что я хочу его обезоружить и взять в плен, «министр» вытащил из-под полы гранату, лег на нее животом и сорвал капсуль. Я еле успел отско-



Я еле успел отскочить с лошадью...

чить с лошадью, а его разорвало в клочья. Остался только «министерский» портфель и шкатулочка. Портфель был полон бумажных денег и документов, а ящик — золотых монет. На эти деньги вся моя часть получила новенькие полушубки и сапоги, а документы, которые я взял, помогли раскрыть всю петлюровскую подпольную организацию.

За разгром Тютюнника и за эту находку получил я мой третий орден.

Мы атакуем стройку

В 1926 г. я демобилизовался. Стук пулеметов, звуки боев сменились ровным, веселым гулом моторов. Но и здесь, как на фронте, и здесь есть, что вспомнить, есть боевые эпизоды.

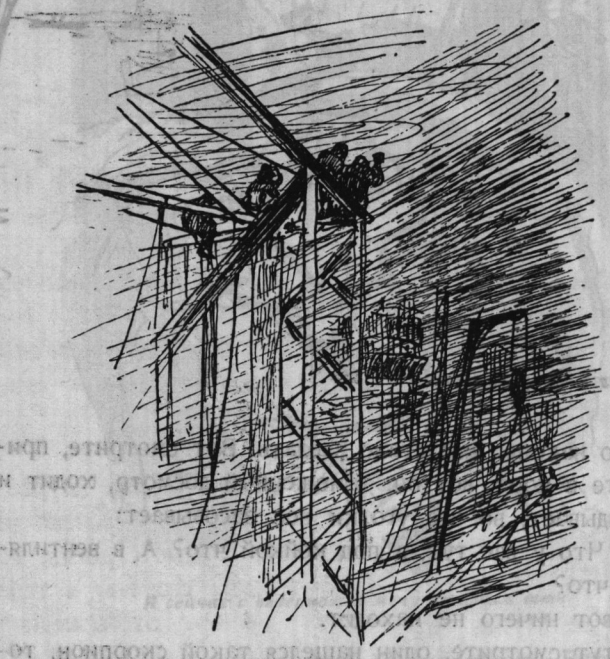
Дело было зимой. На строительстве Харьковского тракторного завода начиналась сборка кузнечного цеха,—это огромный цех, и весь каркас его железный. Морозы стояли трескучие, а клепать железо на ветру, почти повиснув в воздухе, — дело страшное. Никто из рабочих не хотел браться за это. Хоть плачь. Даже старые опытные слесари отказывались.

Я был тогда заместителем главного механика на ХТЗ. Отложить сборку кузнечного цеха до весны — значит задержать пуск завода чуть не на год. И вот я сколотил две молодежных бригады. У ребят была сила, задор, молодость. Нехватало уменья работать Две недели я не отходил от бригады, чуть ли не спал с ними. Первый лазил на конструкции, показывал, как работать без решетовки (не привязывая себя поясом).

Я не только учил ребят работать, я старался зажечь в них тот же огонь, который позволял когда-то нашим партизанам драться с врагами втрое более сильными. Я рассказывал им о прошлой борьбе, и они на сборку цеха шли, как в атаку.

Ветер, стужа, снег, метелица не пугали их. Бригады клепальщиков не знали отступлений, как не знала их бригада Котовского. И я чувствовал себя опять командиром моего отряда, и мне снова казалось, что я пробиваюсь сквозь белый фронт.

Кузнечный цех был построен за три зимних месяца.

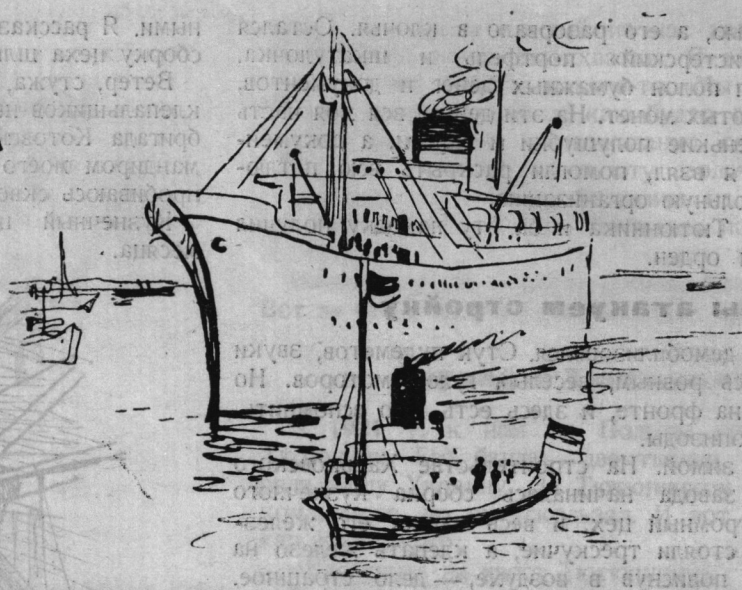


Первый лазил на конструкции, показывал, как работать без решетовки

ЗВЕЗДА НА ЭЛЬБРУСЕ

Эльбрус—высочайшая точка Европы. В 2 ч. 17 м. ночи 22 августа при морозе в 11° начался под'ем. 58 красных командиров достигли вершины Эльбруса и водрузили на ней 2-метровую красноармейскую звезду. Краскомы-альпинисты поставили двойной рекорд. Во-первых, никогда не было такого массового восхождения. Во-вторых, наши альпинисты оставались на вершине 55 минут, а обычно резкий холод в соединении с ветром заставляет смельчаков спускаться через 15—20 минут.

ВАТА



Рассказ Бориса Житкова

Рисунки Г. Мавриной

Это наконец нас стало заедать. Вот смотрите, приходите в порт, вот он, таможенный досмотр, ходит и поглядывает, во все уголки нос засовывает:

— Что у вас тут, а под койкой что? А в вентиляторе что?

И вот ничего не находит.

А тут смотрите, один нашелся такой скорпион, то-есть досмотрщик, что ничего ему не надо искать, прямо:

— Вот эту доску мне оторвите!

— Как так рвать? А назад кто ее пришивать будет?

— А если ничего там нет, то все в прежний вид произведу я. А как обнаружено будет к провозу недозволенное, то сами должны понимать.

И пальчиком стукает:

— Вот в этом самом месте.

Чиновник, что с ним ходит, брови поднимает, ему в глаза засматривает:

— Так ли, мол, как бы сраму не было?

А этот скорпион долбит пальчиком:

— Небеспременно здесь.

Рвут доску—и как чудо: в том самом месте штука шелку.

Потом идет тихонечко в кочегарку, сразу в угольную яму:

— Вот тут копайте.

А в этих угольных ямах угля наворочена гора и раскидывать его некуда, да и темнота, только лампочка электрическая коптит. А он, как конь, ногой топчет в этот уголь:

— Здесь копайте.

Роют.

— Ну, — говорят, — ничего там не сыщешь, тебя туда, чорта, закопаем живого.

В этот уголь чиновник поневоле лезет. На зло ребята пыль поднимают, уголь швыряют лопатами, как от собак отбиваются. Гром стоит—ведь железо кругом. Коробка это железная—угольная-то яма. Называется только так. Чиновник чихает, платочком рот прикрывает. А скорпион все ниже лезет и лампочку на шнурке тянет:

— Зачем левей берешь, нет, ты вот здесь, здесь копай. Ага! Это что?

И лапами, что когтями, — цап. Пакет. Наверх, на палубу. Тут распутывать, разворачивать — бумажки. Каки-таки бумажки? Хлоп—и жандарм тут.

— Эге-с!—говорит жандарм.—Понятно-с. Механика сюда! Капитана! Акт писать: найдены зарытыми бумажки, а бумажки насчет того, чтоб царя долой, фабрикантам по затылку, и вообще неприятные бумажки. А пришли из-за границы.

Потом слух проходит, что дознались: бумажки за границей печатались, даже журнальчик среди бумажечек нашли. Даже кипку изрядную. Журнальчик-то на тоненькой бумажке отпечатан. Тут всю машинную команду перетряхали. Водили, допрашивали. Двоих так назад и не привели.

А скорпион этот уж гоголем ходит. То-есть как это сказать? Он до этих пор змеей смотрел, а уж теперь прямо аспидом. Идешь мимо, а он дежурным на переезде стоит и провожает тебя глазами, как из двухстволки целит. И видать, дрейфит, как кто ему не угораздил булыжником в башку. Оружие им полагалось по форме всего «селедка»—одна шашка. Но этому, слышно было, выдали револьвер, чтобы держал в кармане на случай чего. И все это знали.

Чиновник при всех ему говорил:

— С тобой бы, Петренко, клады в лесах искать. С тобой и рентгена никакого не надо. Как это ты? А?

— Это, ваше высокородие, нюх и практика.

Однако взяли двух. Но мы-то с Сенькой остались на пароходе. На берегу мы с ним имели совет меж собой. Ясно, что глаза скорпионовы с нами плавают, кто-то смотрит, слушает и заваливает публику. И муд-

реного тут нет ничего. У кочегаров и матросов на носу общие помещенья—кубрики: кочегарский и матросский. По борту—койки в два этажа и по переборке такие же. Посреди стол. В углу икона, а над койками карточки, картинки разные. Все вместе едят, вместе спят. Тут чуть-что пошептал, сейчас всем видать и все слыхать. Протрепались ребята или без оглядки языком били, только это уже факт, что есть засыпайлы какие-нибудь меж своих же. А вот кто? Стали план разбивать, кто бы это был и как его узнать? А на пароходе стало совсем паршиво: все друг на друга волком. Всякий думает: «Это ты засыпал». Да и верно. У одного два несчастных фунта чаю цейлонского и то нащупал этот скорпион. Его ребята угощать пробовали. Откупорят заграничную бутылку, ему стакан. Выпьет, губы оботрет. «Доброе винцо! А в сундучке у вас как?»

Но нам с Сенькой было задание — держать связь с заграницей, доставлять журнал. А тут на! Провалили, и двое людей засыпалось. Это с какими глазами мы туда выставимся? Хоть списывайся на берег да на другой пароход. И тут наши товарищи, здешние, стали срамить; нас с Сенькой такая досада взяла, что тех двух арестованных, кочегаров этих, даже и не жалели. Ругали прямо.

А в комитете нам сказали:

— Товарищи дорогие, мы уж и не знаем, как вам и доверять. То-есть ребята вы может и верные, но нам сейчас швыряться сотнями номеров нельзя. Время горячее. Это не шутки. Не коньяк в пазухе проносить. Мы другой путь будем искать.

И все на нас глядят и каждый думает, что мы с Сенькой шляпы и свистунки.

— Вы, говорят, товарищи, обдумайте.

Тогда я говорю:

— Этот рейс мы не беремся: действительно надо все проверить. И мы скажем, а когда скажем то уж... одним словом, скажем.

Чего тут было говорить? Пошли мы, как оплеванные.

Но про лягаша этого решили, что выловим анафему, и тогда уж его, гада, просто в ходу за борт—брык... и в дамках. Мало что, упал человек за борт. Ночью. Бывает же такое.

Всех мы перебрали с Сенькой, всех обсудили. Да нет, все будто одинаковые. На всякого можно подумать. И вот что выдумали. Выдумали мы уж в море,

Агa! Это что?

когда снялись, а совсем уговорились в персидском порту, в Бассоре.

Принимали мы там хлопок. Это как бы побольше кубического метра тюк. Он зашит в джут. И затянут

Я сейчас с ведерком и мечу красным тюк

двумя железными полосами, как ремнями. Вата, а в таком тюке 14 пудов ее. Это ее прессом так прессуют, что она там, в этом пакете, как камень. Даже не мягкая ничуть.

И вот наш план.

Будем говорить в кубрике за столом вдвоем по секрету. И смотреть, чтоб только один человек мог нас слушать. И начисто никто больше. И говорить будем, как вроде секрет меж собой. Так к примеру: «Так ты не забыл значит, как ты это место (тюк значит) пометил?» А другой должен говорить: «Нет, на каждой стороне красная точка в пятак». «А сколько там номеров?» «А две сотни газет положено, так сказывали».

А при другом говорить, что не точка, а кресты по углам черные. И для каждого разные марки. И чтобы не спутать, Сенька все себе запишет где-нибудь.

Нас на погрузке ставили трюмными, это значит стоять в трюме и глядеть, чтоб грузчики правильно раскладывали груз. Грузчики — персы, по-русски ни дьявола не смыслят. Значит, что я ни делаю, рассказать они не могут. А потом я над ними вроде распорядитель всех делов. Сенька у себя во втором—тоже. Каждый взял по ведерку с краской и кисточку. Это мы наперед приготовили. И жара там, в Бассоре, немыслимая. Краска стынет, как плевок на морозе. Вот я делаю вроде тревогу, персы на меня смотрят. Я сейчас с ведерком и мечу красным тюк Они думают, что это надо так по правилу. Уважают, я значит показываю: осторожно, не размажь и кати его туда. Они слушают. Уж к обеду мы все марки наши поставили— 27 марок по числу людей. Теперь осталось 27 разго-

воров устроить. И чтобы виду не показать, что мы это «на пушку» только.

Первый раз чуть все не пропало. Дурак Сенька — смешливый. Я при Осипе так серьезно начинаю:

— А ты, говорю, помнишь, какую ты марку ставил?

И вижу Сенька смеху не прожует. Меня, дурак, в смех вводит, вот-вот и у меня клапана подорвет. Не могу на его морду глядеть. Говорю ему:

— Ты выйди на палубу, говорю, погляди, француз нас догоняет, Мессажери.

Он еле до порога добежал. Ну, что ты с дураком станешь делать? Я уж думал, пропала вся наша примуссия эта.

Потом ему говорю:

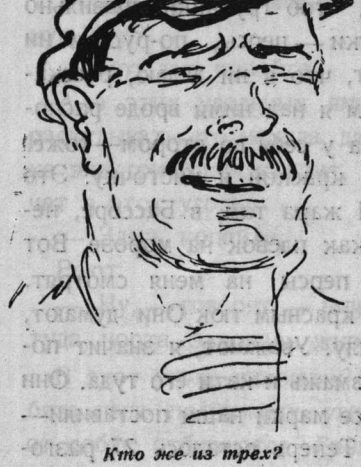
— Если ты мне на разговор смешки начнешь и комики разные строить, то чтобы мне сгореть, я тебе тут же вот этой медной кружкой по лбу. Разобрал?

Опять что ли с Осипом наново начинать? Оставили его напоследок. Взяли Зуева. Он все папиросы набивал. Сядет с гильзами и штрикает, как машина. Загонял потом их тут же промеж своих, кто прокурится. Он себе штрикает, а мы вроде не замечаем. Начали разговор.

Сенька со всей видать силы собрал губы в трубку и не своим голосом, как удавленник:

— Красным крестом метил.

Ходу нам до дому месяц, и за месяц мы всех 27 человек разметили на все наши 27 марок, и всех записали.



Кто же из трех?

Потом я Сеньку спрашиваю:

— На кого думаешь?

— На Осипа,—говорит.— Он аккурат присунулся ближе, как ты сказал, что двести номеров. А ты на кого?

А я сказал, что Кондратов. И потому Кондратов, что он сейчас встал и отошел. Только услышал, что кружком мечено, и сейчас запел веселое, вроде нигде ничего, и вон вышел. Простяк, гляди, какой.

— На Осипа,—говорю,—думать нечего, он человек семейный, ему подработать без хлопот, да вот сахару не ест, домой копит.

А уж когда к порту подходили, я уж совсем смешался, на кого думать. Семейный, а может быть он самый и есть лягаш: этим и подрабатывает. Другой вот, Зуев, чего он веселый, надо не надо? Чего он ломоты эти строит? Так его и крутит, будто штопор в него завинтили. Из кочегаров двое тоже были у нас на мушке: один сволочуга, прямо по карточке видать. Потом нам стало казаться, что на нас все по-волчьи глядят. Может меж собой рассказывали про наш разговор и уж всю нашу машинку смекешили? Уж не знали, как до порта дойдем.

Однако ничего. Опять чиновник к нам, опять этот самый скорпион, жандарм, все как полагается. Но только началась выгрузка, видим, бессменно скорпион стоит и каждый под'ем глазом так и облизывает. Мы тоже поглядываем. Грузчики на берегу берутся по 4 человека, таскают эти тюки и городят из них штабель. Вдруг это скорпион:

— Эй, эй, неси прямо в проходную таможню. Неси, неси, не рассказывай.

Хорошо, я заметил. А то сами бы мы проморгали, с красным крестом на углу.

Я в заметку—Зуев.

Но уже по всему пароходу шум: понесли тюк хлопка в таможню. Сейчас уж чиновник пришел на пароход, приглашает немедленно нашего старшего помощника—капитан в городе был, на берегу. Еще двоих понятых из команды. Боцман говорит мне: «ты пойдешь». И еще кочегар один. Приходим. Комнатка небольшая, всего одна скамейка по стене. Два окошка. В окошки люди пялятся. Посреди этот тюк. Чиновник стоит, губки облизывает. А скорпион весь на взводе. Шепчет чиновнику грозно что-то в ухо. Чиновник уж перед ним девочкой такой ахает:

— Ах, скажи пожалуйста. Да уж знаю, знаю, насквозь видишь, рентген.

Ждали жандарма. Вот и жандарм. Послали кочегара за кусачками. Живо смотался, принес. Наш старший помощник говорит:

— Пишите акт, что вот кипа хлопку в 14 пудов, что по вашему требованию, что вы отвечаете.

Чиновник со смешком:

— Па-ажалуйста, сделайте ваше любезнейшее одолжение ради самого создателя.

Тут же на скамейке папку расстелил, пишет.

— Откупоривай,—говорит помощник кочегару.

— Есть!—и кочегар хлоп-хлоп, перекусил обручи. Кипа, как живая, поддала спиной и распухла.

— Режь!

Полоснул кочегар по джуту, раскрыл: белая вата плотно лежит, будто снег лопатой прибитый.

— Начинай,— шопотком говорит чиновник.

И начал скорпион сдирать слой за слоем эту вату. Чиновник тут же крутится. В окна столько народу

Только началась выгрузка, видим, бессменно скорпион стоит...

нажало, что в комнате темно стало. Жандарм два раза ходил отпугивать. А ваты все больше да больше. Копнет ее скорпион, ломоток один, а начнет трепать, глядишь, облако выросло. Чиновник уж весь в пуху, пятится. Дорогие мои! Скорпион еще и четверти кипы этой не отодрал — полкомнаты ваты и уж окно загородило. Он уж в ней по брюхо стоит, как в пене, собачий сын, и уж со злости огрызается, рвет ее клочьями, яму посередке копает.

Кочегар говорит:

— Пилу может принести?

Чиновник как гаркнет:

— Вон отсюда, мерзавец!

А наш старший:

— Это как же? Занесите в акт: оскорбили понятого.

Мы уже в двери пятимся, вата на нас наступает. Чиновник видит, костюм уж не уберечь, там же роется.

Их уж там видно стало, как во сне, потонули вовсе.

А старший наш кричит:

— Ничего не видать, может обман быть, можете еще подложить чего.

Уж взбеленился чиновник, выбегает оттуда: домовой, не домовой, чучело белое, вата на нем шерстью Эх, тут как заорут ребята:

— Дед-мороз!

Он назад. Они там с досмотрщиком вату топчут, примять хотят, да где! Она пухнет, всю комнату завалила, а полкипы еще нет.

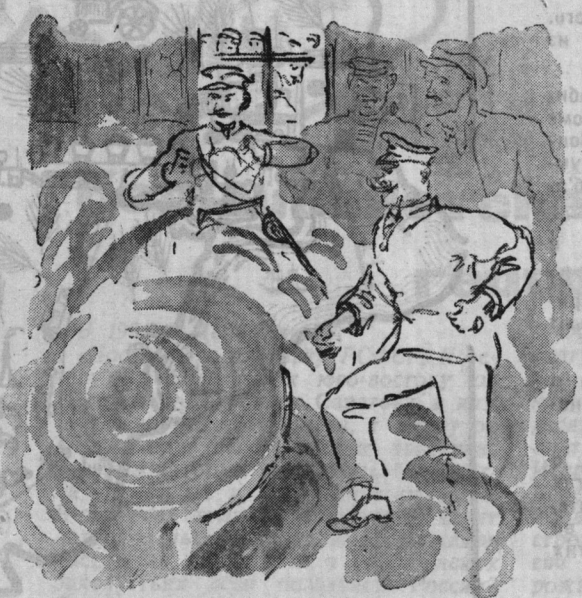
Выскочил таможенный чиновник:

— Мерзавец,—кричит.—Запереть его там.

И побежал домой. Мальчишек за ним табун целый.

Я на пароход. К Сеньке. «Где Зуев?» «Сейчас был». Мы туда-сюда, нет Зуева. Так больше и не видал его никто. Сундучок его сдали в контору. И за сундучком никто не пришел.

А жаль, что он с нами в вояж не пошел.



Кипа, как живая, поддала спиной и распухла

ВИКТОРИНА

К КАРТЕ

1. Вы конечно найдете на карте Днепровскую и Волховскую гидростанции, но там есть и еще несколько. Отыщите их и скажите, почему художник не дорисовал их.

2. Что за мощные черные башни высятся в Уральских степях, в Южной Сибири, а одна будто купается в Азовском море?

3. Об'ясните, что это за башенки идут от Каспия на север, на Урал, точно барьер между Азией и Европой.

4. Назовите угольные бассейны Союза. Нарисованы пять самых крупных из них.

5. Почему на карте так много деревьев? Что делают с лесом на этой карте? Что за деревья (вокруг Байкала) отличные от других? Какие это зверьки бродят в чащах?

6. Что за пышные колосья щедро разбросаны художником южнее песов? Какие это широкие машины точно стригут их? Почему этих машин нарисовано четыре?

7. Почему только три трактора на карте? Почему два одинаковых, а третий не похож на них?

8. Найдите табун резвых коней. Почему художник поместил его в углу Союза, у китайской границы?

9. Рыба есть конечно во всех морях, омывающих нашу страну. Но почему так важно было ее нарисовать? И почему казак на берегу Арала сдержал коня и с удивлением смотрит на рыбака? И что за чудище ползет в Тихом океане у берегов Камчатки?

10. На карте всего одна птица. Найдите ее. Она похожа на страуса. Но неужели этот африканский житель забрел на территорию СССР? В чем дело?

11. Железных дорог в СССР много. Художник нарисовал только две из них. Почему именно их он выбрал?

12. Теперь посмотрите на автомобили. Три из них стоят отдельно, а кроме того длинная вереница катится за Волгу по степям Казакстана, по каракумским пескам, по кручам Кавказа. Об'ясните!

13. Почему так много самолетов и почему они летят вереницей?

14. Что за странные гармоники присосались к рекам и озерам, будто пьют из них воду?

15. Флаги с якорями развеваются в некоторых пунктах. Что они обозначают?

16. Зачем столько высоких мачт, с которых стекают молнии, на берегах и островах Полярного моря? Смотрите, сколько пароходов пробиваются там во льдах. Почему такое оживление в этих жестоких трудных местах?

17. Что за странные растения, точно в ботаническом саду, приютились у Черного моря?

18. Зачем наконец воздушный шар взлетел так высоко, что вырвался за пределы карты?

19. Почему школы нарисованы только в трех местах, да еще в самых глухих?

Большевистская география

В 1921 г. Ленин писал:

«Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необ'ятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царят патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка, вернее десятки верст бездорожья, отделяют деревню от железных дорог, т. е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом?

Разве не преобладают везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?».

Ленин, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 204.

«А взгляните вы теперь, в 1932 г., на карту Советского союза. Какие огромные изменения внесла пятилетка! Сотни новых промышленных предприятий, десятки новых городов — хибинские апатиты и Хибиногорск, Кандалакша, Игарка, заводы северного Урала — Березники, Соликамск, Магнитогорск, Караганда, Кузбасс, Турксиб, Днепрострой и т. д. и т. п. А по десяткам тысяч километров деревенского бездорожья, где еще недавно царили дикость, патриархальщина, выросли сотни и тысячи новых совхозов, колхозов, МТС, школ, клубов, библиотек. 140 тыс. тракторов бороздят поля колхозов и совхозов, десятки тысяч автомобилей своего производства двигаются по новым тысячам километров новых шоссейных дорог».

Из речи т. Л. М. Кагановича на пленуме МК ВКП(б) в 1932 г.

РАССКАЗЫ О МУЖЕСТВЕ

Рисунки Мавриной

КАПИТАН

Пароход «Юшар» шел из Гамбурга в Ленинград с грузом хлопка и древесного спирта. Хлопок был в трюме, спирт над ним, на нижней палубе.

Осенью Балтийское море капризно. «Юшар» попал в шторм. Пароход был старенький и довольно утлый. Его страшно качало. Несколько железных бочек со спиртом сорвало с места, и они с грохотом катались по железной палубе. Одну из них разбило. Матросы, пьяные от шторма и спиртного запаха, оглушенные железным шумом, ловили их и крепили кое-как.

Они заметили, что палуба греется в одном месте. Доложили капитану. Очевидно загорелся хлопок. Добраться до места пожара было трудно: пришлось бы разбросать много кип хлопка. Капитан понимал, что за это время палуба нагреется очень сильно, может вспыхнуть спирт, взорвется, и тогда гибель всему пароходу.

Закрыли наглухо все люки в трюм в надежде, что от недостатка воздуха огонь задохнется и пожар прекратится сам собой,— единственное, что оставалось делать. Капитан, правда, приказал приготовить шлюпки, но сделал это больше для успокоения команды. Он знал, что в такой шторм нельзя спустить ни одной шлюпки,— волна разбила бы их о борт парохода.

Шторм продолжался. Продолжался и пожар. Капитан хмурый ходил по мостику. А рядом радист в рубке с пальцем на ключе напрасно ждал приказа пустить в эфир «SOS».

Между тем палуба стала остывать. Спирт не взорвался и опасность миновала. В Финском заливе шторм утих.

Команда пришла в себя. Успокоился и радист. «Юшар» вошел в Ленинградский порт. Капитан побрился, переоделся и отправился в контору порта выполнить необходимые формальности.

Потом радист не утерпел и спросил его:

— Товарищ капитан, почему вы не позволили мне дать сигнал о помощи? Ведь пароходы были близко.

Капитан ответил благодушно:

— Я рассудил так: если спирт взорвется, помощь будет, прямо скажем, бесполезной, пожар утихнет — она окажется ненужной. Зачем же мы станем беспокоить пароходы?

НАЕЗДНИК

В горах Тянь-Шаня на зеленых, залитых солнцем лугах бродят табуны крепких, легких коней.

Это кони Нарынского совхоза.

Они не знают ни стойла, ни уздечки, пока их не придется заседлать, чтобы отправить в кавалерийские части Красной армии. Тогда они упрямятся и скандалят, не хотят отдать своей воли.

Укрощают их особые наездники, которые пользуются почетом и уважением.

Одну кобылу никак не могли об'ездить даже несколько наездников. Ни один не сумел на ней удержаться. И все отступились. Вызвали старика Абдурахмана. За десять лет работы он не имел ни одного замечания, его не сбросила с себя ни одна лошадь.

Конюхи держали кобылку, пока старик садился, а потом пустили. Она начала бить задом, становилась на дыбы, мчалась в карьер, а потом останавливалась на всем скаку, пыталась укусить седока. Абдурахман сидел, как пришитый. Наконец она грохнулась оземь, но когда встала на ноги, всадник оказался уже на ней.

Это был последний маневр. Вскоре лошадь присмирела, измученная, покрытая пеной, и уже шла под всадником спокойно и слушалась узды.

Абдурахман под'ехал к конюхам. Те заметили, что он смертельно бледен. Подбежали к нему, и старик без сознания свалился к ним на руки. Врач осмотрел его и нашел перелом ключицы.

Наездник сломал кость, когда упал вместе с лошадью.

Боль была страшная, но он сумел моментально вскочить на лошадь, еще полчаса боролся с дикаркой, подвел ее к конюхам, и лишь тогда силы оставили его.

Звания ударника он не посрамил.

УЧИТЕЛЬНИЦА

В одном из глухих районов Казакстана есть село Кзыл, затерянное в бродячих песках. Пески наступали на посевы, подходили к постройкам, губили труд людей.

РайОНО уже несколько месяцев не могло найти туда учителя — никто не хотел ехать.

Наконец какая-то учительница подала заявление. Зав. ОНО вызвал ее к себе для переговоров и покачал головой. Такая она была маленькая, худенькая, со слабым голоском, робкими движениями. Но делать было нечего. Хорошо, что хоть такая нашлась.

Учительница уехала. Долгое время от нее не было вестей. Однажды в Кзыл собрался районный агроном. Зав. ОНО попросил его:

— Проведай уж заодно и нашу учительницу, может ее совсем песком занесло.

Вернувшись, агроном зашел к зав. ОНО и развел руками:

— Ну, знаете, ваша учительница прямо клад Она устроила там не только русскую, но и казакскую школу, нашла грамотного казака и инструктирует его. И когда нехватает бумаги, пишут на песке. Но главное, она там наладила борьбу с песками не хуже любого агронома... Да нет, лучше! Я бы ни за что не сумел так организовать население. Ведь это был самый отсталый, самый безнадежный пункт. А сейчас мы его об'явили передовым. Мы начинаем наступать на пески!

*

Прошло два года.

Село Кзыл действительно оградило себя зелеными крепостями от страшного врага и считалось образцовым по борьбе с песками.

Учительница получила приглашение явиться в район.

Она ехала и думала о том, что очень устала. Бессменная работа и нетерпеливые ветры подточили ее здоровье. Пора было подумать и о себе самой. Сговориться с ОНО, получить отпуск, поехать в Москву, увидеться с матерью, побывать в театре.

Зав. ОНО встретил ее с радостью:

— Вы прямо герой труда, вы наша гордость, о вас пишут газеты, мы возбуждаем вопрос о вашем премировании. И потом есть предложение для вас.

Вы знаете Вороново? Это большое село, самое далекое, самое заброшенное. И еще более жестокие пески. Там надо поднять работу. У вас есть энергия, есть опыт. Если бы вы поработали там хотя с годик. Мы даем вам двойной оклад... Мы конечно понимаем, что вы устали... Но ведь нет людей, а работа требует, хотя бы годик...

Учительница молчала, опустив глаза.

Зав тревожно смотрел на нее:

— Вам конечно трудно решиться сразу... Подумайте... Ведь необходимо... Местком и партячейка тоже так считают. А мы живо все оформим.

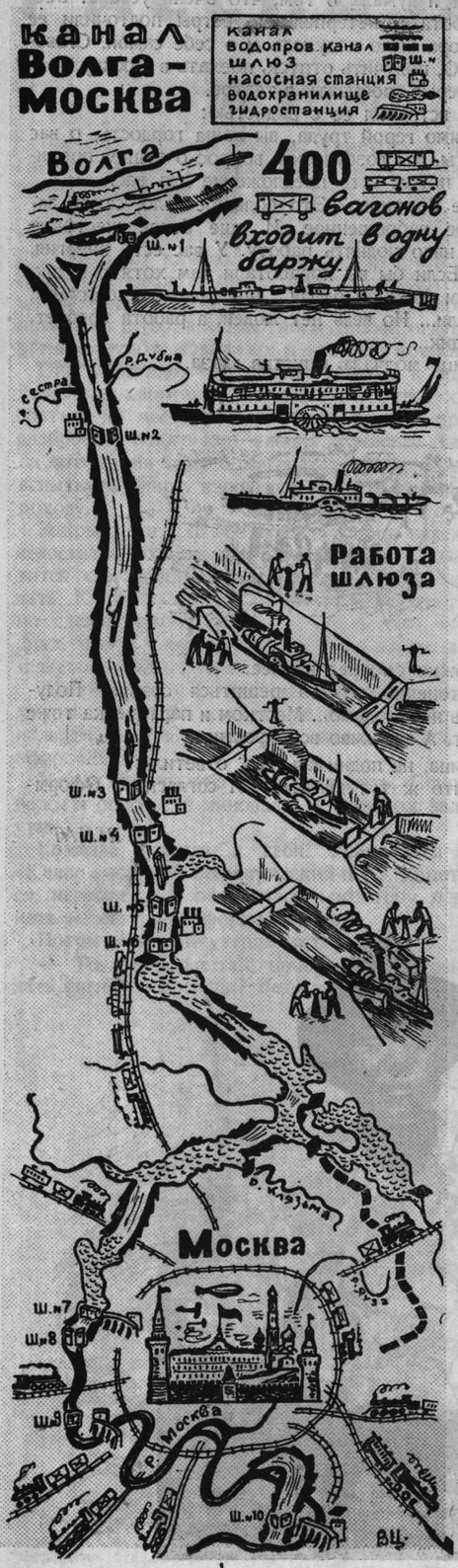
Учительница, не поднимая глаз, ответила:

— Нет, что ж тут думать... Я согласна... Оформляйте.

ИГНАТ

Комсомолец - об'ездчик на охране рисовых полей Киргизии

ЗАВТРАШНЯЯ



Все крупные столицы мира стоят у воды. Все они имеют широкие полноводные улицы, далеко уходящие за пределы города. Они возят по ним дешевые грузы и вдоволь черпают из нее воду для своих водопроводных кранов. И только одна Москва стоит на берегу худосочной, безводной Москва-реки. Летом о песок ее перекатов и мелей скребутся днища даже маленьких пароходиков и с каждым годом все труднее добывать из нее воду для быстро растущего московского водопровода.

Советская Москва не может больше оставаться безводным, «сухим» городом. Она должна получить широкую полноводную реку. И пленум ЦК ВКП(б) в июне 1931 г. постановил:

— Повернуть Волгу в Москву, наполнить волжской водой московские реки и ручейки, превратить Москву в порт и у Кремлевской набережной принимать суда, идущие новым рейсом: Москва—Ленинград—Черное море.

ВОЛГА ВПАДАЕТ В МОСКВУ

...В 128 км. к северу от Москвы впадет в Волгу речушка Дубна. Немного выше вытянется поперек Волги волжская плотина на ¾ км. в длину.

Здесь в весеннее половодье плотина соберет громадные массы воды. Широким озером разольются они вокруг. Но это новое волжское озеро не заростет осокой и ряской. Динамит и экскаваторы разорвут правый берег Волги, и вода нового волжского озера хлынет в прорытый канал. Но у дер. Усть-Стрелки его встретит стена. Она загородит воде свободную дорогу на юг—к Москве. Тогда громадные сопла труб опустятся в воду. Мощные насосы поднимут ее выше, на следующий участок канала. А расположенный тут же шлюз позволит судам подняться на эту первую водяную ступень нового водного пути, похожего на гигантскую водяную лестницу. Лестницу, потому что между Волгой и Москвой лежит Валдайская возвышенность, и Москва стоит выше уровня воды того места Волги, где она повернет в Москву.

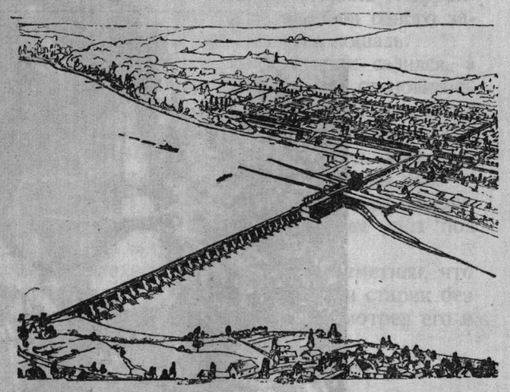
Десятки километров будет тянуться эта первая ступень водяной лестницы. А потом — вторая стена, второй шлюз и снова насосы. Они качают воду на высоту нескольких метров, и снова десятки километров тянется вторая ступень. За второй идут третья, четвертая, шестая, восьмая и наконец — Москва.

Так восемью громадными водяными ступенями подойдет Волга к Москве, вбирая в себя по дороге ручейки и речушки, образуя новые озера и резко поднимая уровень высыхающей Москва-реки...

...Не узнать Москвы, опоясанной Волгой.

Там, где недавно в летние месяцы загнивала грязная застойная вода лягут новые водные улицы.

Здесь уровень воды стремительно поднимется вверх. Он повысится на 2½ м. против Кремля, он достигнет нескольких метров в водоемах московских речушек, и по ним пройдут сотни речных трамваев, пароходов, катеров.



Там, где гнили недавно свалки, на прежнем „Сучьем болоте“, встанет своими пристанями, кранами, пакгаузами московский порт, и у его причалов будут швартоваться суда, приходящие сюда из Ленинграда. Они пройдут по Мариинской системе и Волго-Московскому каналу, чтобы, зайдя в Москву, итти дальше в Оку, Волгу и через Волго-Донской канал к Черному морю.

Волго-Московский канал будет закончен в 1934 году.

МОСКВА

Московский трамвай поставил невиданный мировой рекорд: в 1932 году каждый из его вагонов перевез 900 тыс. пассажиров. Московский трамвай уже не может справляться с таким громадным потоком пассажиров.

Каждый год Москва увеличивает количество трамвайных вагонов и автобусов. Но дальше это почти невозможно: слишком тесно становится на узких московских улицах. Как же быть?

Пленум ЦК ВКП(б) в июне 1931 года постановил:

— Проложить под площадями и переулками Москвы залы и улицы Московского метрополитена и пустить по ним быстроходные электрические поезда.

ПОДЗЕМНАЯ МОСКВА

Удивительна будет жизнь подземной улицы. Чудеса начнутся уже на лестнице, ведущей с поверхности в подземную залу.

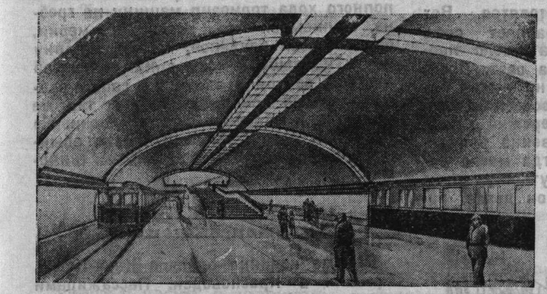
Сверху видно: старая морщинистая старушка поднимается по ступенькам. Она еле-еле передвигает ногами. Но сверху кажется, что она бежит и что каждый шаг ее четыре метра. Старушка устала, остановилась. И все-таки она продолжает подниматься!.. Лестница подвозит ее к верхней площадке и осторожно переставляет на тротуар улицы.

Странная лестница называется «эскалатор». Она состоит из трех лестничных полос. Каждая полоса двигается как лента конвейера: одна — вверх, вторая — вниз, а третья — средняя между ними — в ту сторону, куда в этот момент особенно сильно движение пассажиров.

Эскалатор приводит пассажира в подземную залу. Это удивительная страна с особенным климатом. Здесь нет летнего зноя и зимних морозов. Зимой и летом, весной и осенью здесь одинаково ровная приятная температура.

Вдоль платформы зала идут пути метрополитена. Блестящей змейкой уползают они в извилистый коридор. И через каждые полторы минуты к платформе подлетает подземный электрический поезд. Короткая, 20-секундная остановка — и единственный кондуктор 6-вагонного поезда нажимает на рукоятку. Тотчас же плотно закрываются все 24 двери электрического поезда: под землей нельзя вскочить находу и нельзя висеть на подножке.

Поезд мчится по подземному коридору со скоростью 60 км. в час. Перед ним на расстоянии полутораминутного хода идет такой же поезд. А сзади на таком же расстоянии его догоняет третий. И для того, чтобы они не налетели друг на друга, за ними зорко смотрит подземный диспетчер.



Вокзал Московского метрополитена

Его кабинет на каждой крупной станции метрополитена. Перед ним на стене большой экран: план подземных линий, прилегающих к станции. Линии разделены на небольшие участки. Когда участок свободен, он на экране ярко освещен. Но как только на него вступил поезд метрополитена,— он темнеет. И он остается темным до тех пор, пока поезд не перейдет на другой участок. Так видит диспетчер сквозь землю. Он поворачивает рычажки — и послушное электричество передвигает нужные стрелки и меняет путевые сигналы. И диспетчер ни на секунду не спускает глаз с подземного поезда. А поезд несется по ярко освещенному коридору, через песок и глину, где жил когда-то доисторический человек и ходили допотопные животные, мимо подземных рек и страшных подземелий Ивана Грозного.

Девять тысяч километров

Старт

6 июля в Москве у автомобильного клуба выстроилась 21 машина. Каждая деталь, каждый винтик в этих машинах были проверены тридцать раз. Доктора внимательно проверили сердце и весь организм у водителей этих машин. Еще бы! Они стартовали на Кара-Кумы.

Советские автомобили, советские водители и инженеры, советская резина, советские дороги держали экзамен.

Поэтому за пробегом следила вся страна. В Горьком присоединились еще два автомобиля, и колонна в составе 23 машин двинулась дальше.

Партизаны в Актюбинске

Пыльные и усталые от ухабистых дорог Средней Волги пришли мы в Казахстан, в Актюбинск.

Все 23 машины выстроились на площади. Площадь окружена густыми толпами—сегодня в Актюбинске выходной день вместо очередного—для встречи колонны. Посреди площади—палатка. Из нее выходят 23 женщины в красных косынках с ведрами в руках. Они поздоровались и без лишних слов принялись отмывать многокилометровую пыль и грязь с машин.

Это оказались жены красных партизан. А сами красные партизаны ночью несли у машин караул.

Мост

В Узбекистане шли вдоль горного хребта по хорошим дорогам. Но подводили нас мосты. В Средней Азии считают, очевидно, так: если мост выдержал ишака, значит он хорош. И вот у станции Тюмень-Арык мост рухнул вместе с машиной № 18. От моста не осталось и следа, от машины—тент и радиатор. К месту аварии стянулись все машины, примчались почти все участники пробега. С железнодорожной насыпи на руках принесли десятиметровые отрезки запасных рельсов. Нужно было, ныряя, подвести концы этих гигантских ваг под провалившуюся машину, закрепить их тросами за утонувшую раму и затем дружным натиском поднять трехсотпудовую АМО-3 из воды.

Через три часа машина стояла на берегу и как ни в чем не бывало тронулась в путь вместе с остальными.

Встречает Средняя Азия

Казакстан, аул Дмаш-быш. Он как будто вымер. Колонна приближается к концу деревни, не встретив никого. Но здесь на краю аула ждет ее малец пет семи. Поднятием руки остановив передовую машину, он доложил командиру, что все взрослые ушли на окучку хлопка и поручили ему напоить водителей кумысом.

И он важно направился к четверти кумыса, положенной для охлаждения в тенистый арык.

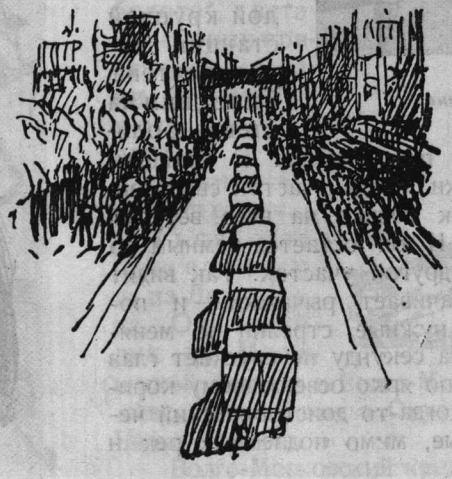
Шестьсот всадников из 82 колхозов Нау, рыская кавалерийскими раз'ездами по горам, искали колонну, чтобы повернуть ее в свой район. Как же так! Неужели колонна пройдет мимо, не заедет в Нау, когда они приготовили дороги, починили мосты!

В Хорезмском оазисе вода дорога. Ее скупо дают оросительные каналы. И вот хорезмские колхозники этой самой водой обильно поливали дорогу перед приходом колонны, узнав, что пыль вредна машинам.

Готовятся к пескам

Наконец колонна подступила к пескам Кара-Кумов, самому тяжелому этапу ее пути.

Машины тщательно готовятся. Вот инженер Колусаев заправляет свою машину маслом. Сначала масло пробуется наощупь, потом на свет. После этого берется безукоризненно чистая бутылка, бидон обтирается особенно тщательно вообще, особенно бережно с льющейся стороны, необыкновенно кропотливо сверху. И только тогда масло допускается в стерильную бутылку, затем к мотору. Впрочем так он делает каждый день и никому другому эту операцию не доверит ни за что.



Водитель Сеня Уткин ловит соловьев. Уже давно спустилась черная ночь, безлунная, а он все еще ловит их, ползая на спине под машиной. Уткину показалось сначала, что соловей забился под рессоры, но нет, он выскользнул оттуда наверх, в капот машины и сидит сейчас, притаившись где-то за карбюратором, сидит и щебечет, будто издевается над Сеней Уткиным, лучшим водителем Украины. Соловей дьявольски хитер. Как только Сеня приближается, он умолкает и начинает песенку в другом месте. Сеня, самый добродушный водитель в мире, дрожит от ярости, — он не может поймать соловья.

И все-таки в эту ночь, последнюю ночь перед песками, Сеня Уткин изгнал последнего соловья из своей машины! А надо вам сказать, что «соловьями» старые шоферы называют всякий писк, всякое дребезжание в автомобиле.

Пески

В одном из самых трудных мест решили испытать сверхбаллоны — особые широкие шины.

Командир скомандовал:

— А ну, Сеня, вот эту грядку видишь?

Широкая «грядка», высотой в 4 метра, с углом под'ема до 50° казалась неодолимой.

Насмешливо прищурившись, Сеня Уткин дал газ, мотор рявкнул, и машина легко понеслась на первый бархан, скрылась за средним, оказалась на следующем, развернулась, пошла назад... С непостижимым мастерством Уткин с полного хода тормозил машину на гребне, выписывал по песку восьмерки, брал отвесы барханов, ставя машину почти на дыбы. Рядом с ним на своей машине, обутой в такие же сапоги-скороходы, шел командир. За ним так же уверенно и спокойно шли трехоски. Не по силам песок оказался только обыкновенным машинам, с обычными шинами.

Экзамен выдержан

Все же колонна одолела Кара-Кумы. Пришли в Красноводск. Пассажирами переплыли Каспий. Высадились в Баку. Одолели перевалы Кавказского хребта, и по равнинам Северного Кавказа побежали дальше. 30 октября колонну встречала Москва. Плавно, без шума подходят машины, серые от в'евшейся в них за два с половиной месяца пыли. Прошли ведь 19 республик, краев и областей. Прошли 9.500 километров.

В акте технической комиссии почти о каждой машине сказано:

«Годна для нормальной эксплоатации».

Лишь четыре машины требуют ремонта. Советский автомобиль, советская резина, советский водитель выдержали экзамен.

Мы выходим в пустыню

Очерк участника похода М. ЛОСКУТОВА

Утром командор приказал выстроить колонну. Двадцать три водителя, восемнадцать инженеров, восемь ученых, одиннадцать журналистов, пять фотографов и киноработников, радисты, командиры, доктора, поблескивая синими очками, выстроились перед радиаторами машин.

— Ну значит вот, товарищи,—сказал вице-командор, человек неуклюжий и толстый, человек, не умеющий говорить речи, самый популярный и способный человек в колонне.—Я не стану говорить, что сегодняшний день... Словом вы понимаете. Мы сегодня выходим в пустыню. Вот.

Он подумал, потом поднял вверх большой палец правой руки и стал им вертеть в воздухе, что всегда делал, когда нехватало слов. Он хотел сказать что-то торжественное и пышное. Но умел он говорить только краткое и деловое, поэтому речи не получалось, а получались отдельные слова, тяжелые, как удары молотка, слова Эхта, слова, которые колонна привыкла ценить дороже речей.

— Вот. Такой день... Словом, помните: интервалы двадцать метров и никаких разрывов. За обгоны взгреем. Я кончил.

Первая машина засигналила. Водители завели моторы. Люди бросились к машинам. Машины заревели и поодиночке, заворачивая вправо, на тихой скорости выползли за ворота.

Так мы вышли в пустыню. Это был самый обычный день, каких тысячи. Пыль клубилась на проселочной дороге. Где-то у гарнизона двигались арбы. Глиняные развалины древняго города Куня-Ургенча торчали из густой травы. Высокий минарет, знаменитость Куня-Ургенча, одинокий среди поля, точно указательный палец, нелепо упирался в небо...

Каждый раз при выходе в пустыню я пытался найти конец живого мира. Где кончается дорога, где умирают человеческие тропы, где пастбища и ковыли переходят в пески, в солончаки, в мертвую заброшенность пустыни? И каждый раз я не нахожу границы. Ее нет, и искать ее бесполезно.

Проходят последние заблудившиеся верблюды, еще вьется под колесами арбяная дорога, еще растет оазисная трава. Мы едем три часа, четыре, восемь и вдруг, пристально посмотрев по сторонам, видим: пустыня. По счетчику мы проехали пятьдесят километров.

Уже пять часов, нет кругом никаких признаков жизни.

Грязножелтые бугры, покрытые кустарником, вздымаются по сторонам. Мы приглядываемся к кустам: тонкие листики-трубочки, похожие на хвою, разветвистые ветви, напоминающие березу в миниатюре. Это он, саксаул, дерево пустыни!

Между тем передние колонны осторожно спускаются вниз: в обрыв, в долину.

Это Куня-Дарья —высохшее русло реки. Нам нужно пересечь его и, поднявшись на другой берег, достичь колодца Дехча.

Но получается что-то иное. Все машины сходят вниз, толпятся и не поднимаются на тот берег. Вот уже двадцать автомобилей собралось в долине, они рычат и суетятся, точно стадо огромных животных, спустившихся к водопою. Это слоны, потерявшие своего вожака и готовые сбеситься. Уже вечереет, и у машины зажигаются фары.

Мы бежим к голове колонны и видим перед собой огромный песчаный под'ем, в котором вязнут ноги по колено. Сразу три машины в разных местах безуспешно пытаются взойти на гору. Колеса крутятся на месте и зарываются в песок. Люди в комбинезонах отрывают колеса лопатами, суют туда доски.

— Назад! Назад!—кричит кто-то спереди.

Шестая машина берет назад, скатывается вниз и потом, выбрав новую дорогу, лезет вверх. Мимо прошла трехоска. Она единым махом взяла всю гору и скрылась за под'емом, догоняя ушедшую голову колонны. За ней пошла другая трехоска, но, дойдя до середины склона, закопалась в песок и стала. Десять человек бросились к машине и подперли ее плечами. Мотор заработал. Отработанный газ, в котором трудно дышать, дохнул на людей. Отворачивая головы, чтобы не ело глаза, схватились за крылья и борта, упираясь ногами в зыбкий песок. Но машина не тронулась с места.

— Нынче даже трехоски садятся!—крикнул кто-то, пробегая мимо к другой машине.

Там люди устилали дорогу саксаулом, они ломали сучья и швыряли их на склон. Кто-то в темноте валялся на дороге, выбившись из сил.

Было не жарко, но страшно хотелось пить. Вся вода в флягах вышла, сохли и слипались губы.

Кто-то с руганью высыпал из ботинка песок.

Кто-то, разгребая песок, нашел под колесом змею и теперь показывал ее в свете фары. С другого конца слышались бесконечные крики, свист и удары.

Уже пять машин застряли в разных местах склона.

Три грузовых машины удалось поднять на гору при помощи веревочных лестниц и резиновой ленты, которыми устлали путь. Но зато эти три машины так размесили песок, что остальным на склоне не осталось живого места.

Уже десятки людей сидели и лежали на песке. Они легли в темноте странными неподвижными фигурами, всего лишь на одну-две минуты, чтобы отдышаться или немедленно задремать.

В эту проклятую ночь не помогали ни лестницы, ни ленты, ни самовытаскиватели, ни испытанные «башмаки»—доски со шпорами и гребнями.

— Эхта! Эхта сюда! Где же он?—кричали с какой-то машины.

Эхт был последним и самым надежным «средством для вытаскивания». Он был сейчас нужен, когда колонна, без передних машин, без сил, растерялась и искала выхода.

Но Эхт застрял где-то далеко сзади, помогая отставшим.

— Давайте все сюда! — крикнул инженер Соломонидин.

— Давайте таскать машину все вместе!

Люди еще раз встали и бросились к восемнадцатой «АМО». Они схватились в темноте за крылья, уперлись плечами, руками и спинами в кузов.

— Заводи мотор!—кричал Соломонидин.

— Дай-ка лучше назад!—заявил кинооператор Тиссе,—всегда нужно сперва назад.

— Подожди назад! Поправим ленту!—кричал инженер Великанов, руководитель «бригады по проходимости», хранитель арсенала «вспомогательных средств».

...Так обычно возникает вакханалия советов. Чьи-то крики и ругань, даже свист, кто-то советует спустить давление в покрышках, другой кричит о досках, один берет лопату, двое ведут машину по следу, и оба в разные стороны.

В эту минуту в сноп света ворвалась коренастая фигура медведя в комбинезоне. Это Эхт.

Он подошел к кабине. Еще кругом не стихли крики и люди бегали, наступая в темноте на чужие ноги. Он положил руку на плечо водителя и тихо сказал:

— Выключи мотор.

Мотор заглох, и сразу стало тихо.

— Товарищ Эхт, мотор разогреть надо,—сказал водитель.

— ...Ленту бы. Под право!!.—успел крикнуть кто-то.

Эхт поднял руку. Он не опускал ее до тех пор, пока все не стихли, и даже когда все стихли, но еще не остановились. Был виден даже его поднятый большой палец на фоне ночного неба.

— Товарищи,—сказал он совсем тихо.— Здесь не согласовывают, а приказывают,—добавил он громче.— Приказывают выключить мотор.

Мотор был выключен. Все затихли.

— Собрать всех людей сюда! Остановить все машины! Незачем рвать моторы. Куда это вы спешите, товарищ Захаров? Выключить мотор! Вытащим одну. Потом возьмемся за другую. Вот...—помолчав он добавил,—пусть командует плохо, но один. Помните это правило, все же лучше, чем десять.

— Все за саксаулом!

И он первый схватился за куст, и в его медвежьих лапах огромный ствол затрещал на всю долину. Полсотни человек бросились к кустам, и через пять минут под'ем был покрыт хворостом. Уже все были спокойны, уже никто не чувствовал усталости и безнадежности, все уже знали, что машины одна за другой методично возьмут бархан.

— Обнять канатом!—сказал Эхт.—Не спеши. Нечего ста человекам без каната делать. Только на ноги друг другу наступаете. Обняли канатом? А ну, взяли за концы!

Два длинных конца каната вышли вперед. Семьдесят человек взялись за канат, но, помня правила, не тянули.

— Стоп!! Не тяни без толку. Один ничего не возьмешь. Итак: по команде «два»—включать мотор, по команде «взяли»—тяни. Один человек иди вперед, перед фонарем, направляй на саксаул. Приготовились. Раз, два, взяли!

И, первым схватившись за канат, Эхт полез в гору. Машина зарычала, сперва на секунду уперлась, но, схваченная сотнями рук, перевалила гряду, взошла на саксаул, полезла на гору.

— Ура! Ура!—уже не выдерживая молчания, кричали водители, ученые, фотографы.

Машина вылетела наверх под крики и аплодисменты команды.

— Виват!

— Браво!

— Пошли за другой! Товарищи, пошли тянуть следующую!..

— Стоп!—Эхт поднял уже свой огромный палец.— Стоп, товарищи. Без крику и без шуму. Кто тут распоряжается?! А?! Ну то-то...—добавил он уже тихо, ворча в темноту,—силы нечего зря тратить. Они нам пригодятся еще. А ну, сели отдохнуть немного!..

ЛИСТОК СЧАСТЬЯ

Американский молодой инженер Дуглас Штиммер и негритенок Майкель Бьерк по прозвищу Хеппи — приятели.

Штиммер спас Хеппи от самосуда. Потом они вместе работают на строительстве плотины. Штиммер сочувствует недовольству рабочих. В газете сообщают, что Штиммер спас негра от суда Линча. Штиммеру и Хеппи нельзя больше оставаться в Америке. Они на пароходе прибывают в СССР. Здесь Штиммер устраивается инженером на строительстве Уралхимкомбината. Хеппи знакомится с ребятами. Сильный буран причинил строительству много аварий. У воздуходувки во всех этажах вышибло окна. Ликвидировать эту аварию был послан инженер Повенцов. В аврале активно участвует Хеппи. Он отмораживает себе руки.

Роман Сергея Григорьева

Рисунки В. Цельмер

СМЕРТИ ИЛИ ЖИВОТА?!

К утру стало ясно, что завод выдержал без серьезных аварий натиск бурана. К рассвету ветер затих. На свечах домны курились белые дымки. Скип работал без перебоев.

Оставалось расчистить и убрать снег. Температура все повышалась, было близко к оттепели. Опасность гололеда миновала. Однако снег сырел, слеживаясь и тяжелея, и это затрудняло его уборку. Убрать весь снег сразу было немыслимо, поэтому в сугробах пробивались, где надо, ходы и траншеи, отчего вся площадка вокруг домен, коксовых батарей и воздуходувки приняла вид местности, изрытой окопами в период позиционной войны. Кое-где сугробы так высоки, что траншеи оказались глубже роста человека. Не верилось, что столько снегу могло насыпать за одну ночь.

Ученики школы ЦЭС, увлекаемые пионерами, вскинули лопаты на плечо и под песни маршировали «организованным порядком» к домне.

Хеппи явился сюда же. После бессонной ночи его качало. Он не мог взять лопаты: руки его были замотаны бинтом.

— Где ты пропал, Хепка? — спросил Алешка.— Что у тебя с руками?

— Руки это тентель-ментель, пара пустяков. Я там работал всю ночь. Это ты пропал — я нет!

— Тебе попало по рукам?

— Да. Я был ранен еще в голову. Хочешь, щупай шишку! Вот.

— Да! Здорово!

— Мы поставили щит на окна там. Это мой проект! Мысль! — Хеппи показал рукой на шишку.

— Ты скажешь! — заметил сердито Абрамчик.— Мысли приходят не на маковку, они скопляются во лбу. Я знаю, там распоряжался Повенцов!

— Хэ! Само собой! Это бравый парень. Он очень скоро понимает. Он ловит мысли, как я муху, налету. Я был там при нем консультантом. Очень просто.

— Нам таких, как ты, не надо!

— А если мне надо таких, как вы?

— Ну стой, смотри, как мы работаем, лодырь!

— Это очень трудно, Абрамчик... От снега, когда его кидаешь, идет тепло...

— А ты попляши! — посоветовал Алешка.

— Я не могу плясать без музыки...

— Небось, запляшешь!

— Я мог бы, Абрамчик, быть вашим бригадиром...

— Бригадир должен работать лучше и больше других! — возразил Алешка.— Ты раненый, значит иди в больницу!

— Эх, ты! — прибавил какой-то незнакомый Хеппи парень.— Кабы мне ранило руки, я бы уж теперь пил на пункте молоко с хлебом. А он — «бригадиром».

— Ребята, берись, а то урок не кончим. Нечего бузу тереть.

Кружок вокруг Хеппи распался. Он попробовал взять в руки лопату — больно, и лопата валится из рук.

Хеппи повернулся и пошел прочь.

— Майкель Бьерк! — бормотал он про себя.— Что с вами, сэр? Боюсь, что вы собираетесь распустить нюни. Что же это, сэр? Возьмите себя в руки!

— Что, смотался?—закричали ему вслед.

Хеппи вернулся, подошел к Алешке и толкнул его.

— Хочешь бокс?

— Некогда. Ты взял вызов. Помни!

— Хорошо. Умоешься клюквенным соком!

— Тогда давай сейчас...

Хеппи ударил Алешку забинтованной рукой, сам взвизгнув от боли.

Алешка бросил лопату. Они схватились. Оба свалились на снег...

— Это не бокс,— кричал Хеппи,— это борьба, а не бокс!

— Ну чего хочешь — смерти или живота? — спросил Алешка, оседлав упавшего Хеппи.

Хеппи молчал, тяжело дыша. Ребята опять столпились около них.

— Смерти или живота? — повторил Алешка.— Говори, а то некогда...

— Я не понимаю. Абрамчик, ты здесь? Об'ясни им правила этой борьбы.

Абрамчик наполовину русскими, наполовину английскими словами об'яснил, что если Хеппи признает себя побежденным и сдается, то он должен сказать «хочу живота!». Тогда победитель подарит ему жизнь. Если же он не признает своего поражения, то должен сказать «хочу смерти!». Тогда победитель его убьет до смерти.

— Очень просто! — весело, дрыгнув ногами, закричал Хеппи.— Алешка! Еще раз! Ну?

— Чего хочешь? Смерти или живота?

— Смерти!

— А! Вот ты какой!..

Алешка начал бить Хеппи в бока кулаками. Перестал.

— Ну говори, чего хочешь,— смерти или живота?

— Смерти!

— Фу, чорт!

Алешка подпрыгнул несколько раз, тиская побежденного противника, и еще раз спросил:

— Смерти или живота?

— Смерти! — весело ответил Хеппи и вдруг извернулся, сбросил с себя Алешку, сам сел на него верхом и, давя его, спросил:

— Чего хочешь,— смерти или я буду бригадиром?

Алешка молчал.

— Смерти или бригадиром?

Хеппи попрыгал на Алешке, точно повторяя устав борьбы, только что им усвоенный.

— Смерти или бригадиром?

— Шут с тобой, будь бригадиром. Такой тяжелый, дьявол! Ребята, пускай он будет бригадиром, что ли...

Хеппи встал и протянул Алешке руку, прибавив:

— Бокс остается, сэр, за вами. Это еще не бокс!

К группе ребят подошел вожатый.

— Чего вы тут бузите? Никак дрались? Кто дрался?

— Никто, дядя Миша, бригадира выбирали...

— Выбрали?

— Вот Хепку-кепку!

— Ладно. Ну, бригадир, командуй. Ребята, помните — вам задание прорыть ход вон до той лестницы на каупера. И тогда домой — в школу.

— Знаем!

Вожатый отошел. Ребята взялись за лопаты. Хеппи крикнул:

— Работай! Хорошо!

Хеппи шмыгнул носом. Ему вдруг вспомнилась бабушка Бекки.

«Что бы сказала теперь бабушка Бекки...»

Но призванный Хеппи образ бабушки Бекки бледнел и таял среди морозной белизны. Хеппи только мог уловить невнятный шопот и скорбный взор.

«Бедный, бедный мой Майкель. Несчастненький мой!» — покачивая головой, бормотала бабушка Бекки...

Хеппи рассердился.

— Хэ! Несчастненький? Ну нет, бабушка. Этого мне не надо, к чорту всех бабушек на свете...

— Глядите, ребята,— крикнул кто-то,— наш-то бригадир никак не в себе!

— Это он сам себя по-американски кроет.

— Ах, если бы в голову пришла пара мыслей! — горестно воскликнул бригадир.

Делая вид, что поправляет шапку, Хеппи крепко надавил на шишку — сделалось больнее и руке и голове, из глаз Хеппи покатились слезы.

— Это не плач, джентльмены, это только от боли.

Смерти!—весело ответил Хеппи и вдруг извернулся, сбросил с себя Алешку, сам сел на него верхом...

— Ха-ха! Вот так бригадир!

— Хорошо работай! — грозно повторил Хеппи.

— Мы и так работаем. Придумал чего еще.

— Эх, ты! Бригадир должен первое дело крыть бригаду!

— Очень просто! Крыть... Это я не знаю. Абрамчик, как это крыть?

— Закройся!

— Сам закройся!..

Положение бригадира делалось рискованным. Хеппи понял, что ему надо утвердить уважение к себе немедленно, иначе оно будет потеряно навсегда.

— Хо-хо! Бригадир! Не можешь по-нашему, крой по-американски!

Хеппи почему-то вспомнил заученные когда-то в школе английские стихи и пошел их выкрикивать!

Ребята, беспорядочно кидая снег на стороны, врезались в толщу сугроба. На Хеппи сыпались насмешки, и хотя смысл ядовитых словечек пропадал для него почти на все сто процентов, он знал, что все словечки для него.

— Хо-хо! Крой бригадира!..

Хеппи понял, что его «кроют».

— Майкель Бьерк! Спокойствие! Очень просто! — успокаивал себя Хеппи, ласково бормоча.— Ты же не окончательный дурак... Теперь ты понял, крыть — значит браниться. Возьмите себя в руки, сэр...

Очень просто! — бормотал Хеппи, отворачиваясь от ребят.— Хеппи никогда не плакал в жизни... Вы думаете, что он бежит с поля битвы? И это нет. Ваш бригадир, товарищи, идет спокойно обдумать, что надо делать...

Хеппи решительно направился к воздуходувке. Ему вслед свистали, лаяли и мяукали.

У воздуходувки был уже не ночной, а обычный дневной порядок. Огромные ворота, в которые ворвался ночью с ветром и снегом Хеппи, теперь плотно затворены, а у калиточки, проделанной в воротах, стоит часовой...

— Пошел прочь! — крикнул он на Хеппи, на его вежливую просьбу.

— Извиняюсь, разрешите, товарищ, войти... Я американец,— прибавил Хеппи важно.— Американский консультант...

— Много тут вас, американов, шляется!

На счастье Хеппи из калиточки вышел инженер Курбатов.

— А! Изобретатель! — приветствовал он Хеппи по-английски.—Ну теперь все кончено. Все в порядке. И мы с тобой можем отдохнуть. Я сам иду вздремнуть часочек. Ты, может быть, погреться?

Хеппи, обрадованный, что может говорить свободно на своем языке, схватил Курбатова за руку и заторопился:

— О нет, сэр! Мне не надо греться. Мне даже жарко. Я весь горю. Позвольте отнять у вас несколько минут для разговора.

— Хорошо. Не будем стоять на ветру. Проводи меня, и находу поговорим. В чем дело?

— Дело в том, сэр, что нашу школу поставили на работу разгребать снег к кауперам. Меня, как это вам легко понять, избрали бригадиром...

— Ого!

— Да, сэр! Единогласно! Я отказывался, потому что, видите ли, у меня не в порядке руки, а бригадир сам должен работать лучше всех...

— Ну, это не все, он должен уметь расставлять силы, распоряжаться...

— Ну да, сэр. Я понимаю, он должен «крыть». Я не знаю, что это такое! Руки — раз! Крыть не умею — два! Тогда я сказал себе: ну, Майкель Бьерк, понатужься — может быть, ты придумаешь что? Нажал даже шишку, ничего не выходит! Тогда я отправился к вам, чтобы получить от вас консультацию. Ведь вы получили тоже от меня вчера? «Око за око — зуб за зуб» — так говорит бабушка Бекки...

— О чем же консультация?

— Я хочу знать, сэр, что делает инженер, когда ему нужна мысль, а мысль никакая не приходит. Ну никакая! В голове у него, так говорила бабушка Бекки, пусто, как в горшке бедняка, конечно после ужина, сэр! Что делает в таких случаях солидный инженер?

— Ну, надо подождать, отдохнуть...

— Отдыхать и ждать в данном случае нельзя, сэр...

— Порыться в книгах.

— Сэр! Вы видите здесь только одну белоснежную страницу, и на ней написано черным по белому «завод», больше ничего... Книг кроме этой нет.

— В таком случае мы идем за советом к старшему товарищу.

— Вот! Майкель Бьерк именно так и поступил. Но, сэр, в Америке старшие инженеры больше стараются выудить что-нибудь у младших и наоборот... Там учат только из интереса для себя.

— У нас не так. Мы все считаем друг друга товарищами и охотно обмениваемся опытом... Может быть, и я у тебя выужу кое-что.

— В данную минуту, сэр, моя голова — аквариум, из которого кошка повытаскала всех рыбок. Из моей головы нельзя выудить даже комаринки! Мне нужен ваш совет, мистер Курбатов!

— Слушаю.

— Моей бригаде, сэр, задано прорыть траншею в глубоком заносе, вон там, к кауперам. Ребята все лезут вперед, толкаются, кидают снег зря. Работа идет мало успешно.

— Ага, узок фронт работы!

— Да, сэр,— согласился Хеппи важно, хотя не совсем понял, в чем дело.— Фронт узок.

— Надо повернуть фронт.

— Как, сэр?

— Например расставить работников вдоль траншеи группами.

— Снег очень глубок, сэр. Он еще не слежался, и мы тонем в нем по-уши!

— Тогда придется работать уступом. Это вот так.

Курбатов поднял с дорожки рейку и начертил на снегу, как следует работать.

— Пусть каждый с лопатой идет по направлению траншеи и роет узкий ход по ширине траншеи. Одному надо дать уйти вперед и пускать второго, когда первый ушел далеко и уже не будет мешать...

Извиняюсь, разрешите, товарищ, войти... я американец...

— Очень просто, сэр! — воскликнул Хеппи.— Ведь я это хорошо знаю, сэр...

Хеппи вдруг сделалось очень жарко, но вместе с тем его охватил жестокий озноб. Он вспомнил далекое раскаленное небо, школьную плантацию при школе для цветных в Нью-Мадриде.

— Мы так пололи сорную траву, сэр, в нашей школе. Мы так же шли косой полосой по рядам томатов.

— Почему же ты сам не догадался?

— То были помидоры, сэр, а это снег! Там были цапки, а это лопаты... Но это очень похоже. Благодарю вас, сэр.

Хеппи бросился бежать к тому месту, где ребята, взрывая снежные облака, с шумом и гамом врывались в стену сугроба.

Усмехаясь ему вслед, Курбатов постоял, хотел итти своей дорогой, задумался и пошел вслед за Хеппи..

Когда он подошел, Хеппи что-то кричал, надрываясь, его не слушали, часть ребят покинула работу и разбежалась, бросив лопаты на месте. Хеппи в отчаянии мешал русские слова с английскими, но это еще больше путало дело.

Подойдя, Курбатов нашел глазами вожатого и крикнул:

— Вожатый! Сюда, ко мне...

Вожатый подбежал.

— А, Миша Лундберг,— узнав его, сказал Курбатов,— здравствуй, что это за гам у тебя?

— Эти ребята ничего не хотят слушать.

— Так ведь они сами выбрали бригадира.

— Какого бригадира?

— Это я!—сказал Хеппи.—Майкель Бьерк к вашим услугам, американский консультант...

Миша Лундберг посмотрел на Хеппи сердито, хотел было что-то сказать и только махнул рукой...

ОБЛАСТНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ
3-е отд. Г.П.Б.
БИБЛИОТЕКА

Хеппи взгромоздился повыше на сугроб и, махая забинтованными руками, покрикивал...

— Останови работу! Собери ребят сюда! — предложил Курбатов.

Лундберг поднял руки вверх и закричал:

— Все ко мне!..

Ребята один по одному прекратили возню в снегу и собрались на голом месте вокруг Курбатова, вожатого и Хеппи...

— Ребята!— обратился к ним Курбатов.— Это не дело. Вы выбрали бригадира и не хотите его слушать. Если вы станете так беспорядочно рыть, то не исполните урока. Я вижу, что ваша траншея уже ушла вкось... А ваш бригадир предлагал вам...

— Ничего толком не предлагал!

— Только крыл нас по-американски!..

— Вот он и привел меня сюда, чтобы я перевел вам то, что он предлагает...

Курбатов об'яснил ребятам, чертя рейкой по снегу, то же, что говорил Хеппи...

— Понятно?

— Как не понятно! Ясно! Он бы сначала выучился по-нашему. Говорить не может, а лезет в бригадиры. Лопочет, а что нивесть,— раздалось с разных сторон.— Немой чорт!

— Довольно бузы, ребята! — закричал Лундберг.— Все поняли? Ладно. Я со своей стороны предлагаю разбиться на две равные группы. Одни здесь, другие там начнут — от каупера, где голое место. Туда пробраться можно. Об'являю соревнование. Пойдем навстречу.

— А где середина?

— Пойдем навстречу. Где встретимся, поставим знак. И посмотрим от начала и здесь и там. Кто больше сделал, тому звезда. Кто меньше — орден черепахи.

— Вот это дело!

— Отлично, ребята!—крикнул Курбатов.—Мне надо итти. Слушайтесь бригадира!

— Ладно! Ступай! Пойдем стена на стену! Ура! Хепка, командуй!

Курбатов пошел прочь, постукивая рейкой по снегу, словно посошком, и усмехаясь про себя. Оглянулся.

Хеппи взгромоздился повыше на сугроб и, махая забинтованными руками, покрикивал:

— Работать хорошо! Вперед! Слушать бригадира!

(Продолжение следует)

7.050 МЕТРОВ БЕЗ ПАРАШЮТА

Мировой рекорд затяжного прыжка с самолета

10 октября старший летчик Научно-испытательного института т. Евсеев В. Н., покинув самолет на высоте 7.200 метров, в 132,5 сек. покрыл расстояние в 7.050 метров и только на высоте 150 метров раскрыл свой парашют. Таким образом поставлен новый мировой рекорд затяжного прыжка и всесоюзный рекорд высотного прыжка с парашютом.

* * *

Тов. Евсеев В. Н. родился на Дальнем Востоке в Благовещенске, куда царской властью был сослан его отец—токарь петербургских заводов.

После смерти отца Евсееву пришлось бросить ученье. 13-летним мальчишкой он начал работать ломовым извозчиком, а затем батраком у амурского кулака Хабарова. В 1922 г. Евсеев поступил на благовещенскую электростанцию, где получил квалификацию слесаря. Там Евсеев вступил в комсомол, а потом в партию.

ЛЕТЧИК ЕВСЕЕВ О СВОЕМ ПРЫЖКЕ

— 10 октября выдался ясный день. Плотно позавтракав, мы с летчиком Коккинаки на двухместном самолете отправились в высотный полет.

Сделав над аэродромом несколько больших кругов, летчик уверенно стал набирать высоту. Мы прошли редкие кучевые облака. Достигнув высоты в 4.500 метров, я отвернул редуктор кислородного прибора и надел маску.

От плоскостей, освещенных яркими лучами солнца, свет падал нам прямо в лицо. Но я не могу повернуться ни вправо, ни влево в узкой кабине. Еще будучи на земле, я едва пролез в нее. К моменту прыжка у меня даже онемела нога.

Мы достигли высоты 7.200 метров. Термометр показывал минус 37°. Летчик Коккинаки качнул самолет, дав знак, что прыгать пора. Я с трудом вылез из узкой кабины.

Коккинаки кивнул головой, я оторвался от самолета и стремительно пошел вниз. Через некоторое время я взглянул на секундомер, привязанный к левой руке. Я заметил время — 27 секунд. Когда я вторично взглянул на секундомер, он показывал 1 минуту и 37 секунд.

Пролетев кучевые облака, я впервые взглянул на землю. Я отыскал на ней мачты радиостанции, и в тот момент, когда верхушки мачт сравнялись с горизонтом, я распустил парашют. Сильный рывок. В глазах потемнело, солнце показалось зеленым. Через несколько секунд зрение ко мне вернулось, и я отчетливо увидел под собой сосновый лес, в котором разыскал даже ложбинку. Рассчитав посадку, я опустился на этой ложбинке.

Приземление прошло нормально. Парашют остался цел. Сняв парашют с березки, я пошел к аэродрому. Через минуту ко мне подбежала группа красноармейцев с удивленными лицами, — меня считали погибшим, потому что с аэродрома было видно, как я скрылся за лесом с еще нераскрытым парашютом.

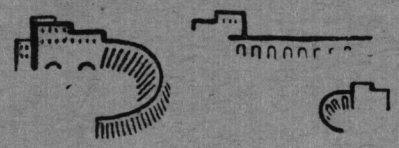
Самочувствие после прыжка у меня было хорошее. Я был готов сразу же сесть за руль самолета.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Карта и рисунки П. Рябова

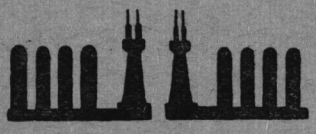
Ответы на викторину

Недорисованные станции



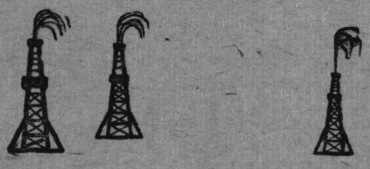
1. Недорисованными художник оставил те гидростанции, которые еще строятся или подготовляются к стройке: три на Волге, одна на Рионе, одна на Ангаре, наконец на маленькой речке Сулаке, сбегающей в Каспий с Кавказских гор. Хоть и маленькая, она даст энергию, не меньшую, чем Днепр,—такова сила падения ее воды.

Великаны пятилетки



2. Магнитогорский и Кузнецкий заводы—великаны первой пятилетки — и Керченский завод, заново построенный при советской власти.

Советская нефть



3. Нефть. Геологи предполагают, что нефть тянется под землей целой цепью залеганий от Персидского залива чуть ли не до самого Полярного моря Баку, Нефтедаг (в Средней Азии), Эмба, Грозный, Стерлитамак, Чусовая, Печора—все это только отдельные выходы одной мощной системы, самой богатой в мире.

Угольный центр

4. Донбасс, Кузбасс, Караганда, Печорский, Енисейский бассейны. Два последних открыты лишь недавно и еще не разрабатывались как следует.

Лесные богатства

5. Деревьев много потому, что СССР—первая страна в мире по лесным богатствам. Наше лесное хозяйство так громадно, что пришлось учредить особый лесной народный комиссариат. Художник изобразил рубку леса, лесопильный завод в Игарке, новом городе на берегу Енисея, и пароходы, которые идут за лесом в Игарку, в Ленинград. Он нарисовал также соболя и куницу, за мех которых дорого платят в Гамбурге и Лондоне. Вокруг Байкала — густые кедры. Сбор кедровых орешков—целый промысел. Прекрасное масло и халва выходят из них.

Фабрики на колесах

6. Без комбайнов наши колхозы и совхозы не справились бы с урожаем пшеницы. Пятилетка призвала комбайны на кубанские, украинские, волжские, казахстанские, сибирские поля. Их строят заводы в Зиновьевске, Ростове и Саратове. Четвертый достраивается в Новосибирске. Там и нарисованы комбайны.

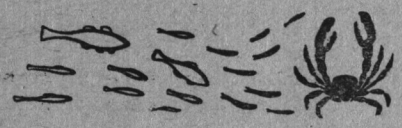
Железные лошади

7. Тракторы художник поместил там, где они сходят с конвейеров на заводах-гигантах: в Харькове, Сталинграде и Челябинске. Челябинск строит гусеничные мощные машины.

Нарынский конесовхоз

8. За китайскую границу уходят снежные Тяньшаньские горы. На склонах одного из хребтов этих гор кочует Нарынский конесовхоз, он выращивает для колхозов и Красной армии крепких коней с мощным копытом и широкою грудью — помесь киргизской и английской крови.

Рыбы и крабы



9. Важно не то конечно, что рыба гуляет в морях, а то, что ее ловят сотнями тысяч тонн. Если набить годовым уловом рыбы вагоны, то получится поезд длиною от Москвы до Владивостока. На фабриках-кухнях 40 проц. меню рыбные кушанья. Рыба дешева и питательна. Поэтому ее не только ловят, но и разводят. В Аральское море перевезли на самолетах мальков разных рыб, и они там выросли, а для тихоокеанских крабов построено специальное судно-завод.

Самая большая птица

10. Птица действительно страус. Он прижился в нашем замечательном заповеднике Аскания-Нова.

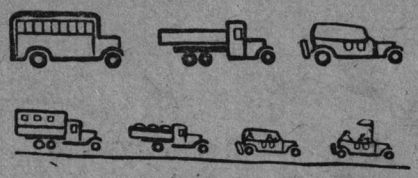
Новые пути

11. Нарисованы Турксиб и дорога в Караганду, новый угольный центр,—самые большие линии, созданные советской властью. Художник хотел нарисовать еще одну строящуюся дорогу: магистраль Москва — Донбасс, да места нехватило на карте.

Цена 50 коп.

39265

Машины в пустыне



12. Три отдельных автомобиля—три завода: Горьковский (ГАЗ), Московский (ЗИС, б. АМО) и Ярославский, который выпускает тяжелые пятитонные машины. Вереницей обозначен каракумский пробег. Смотрите, автомобили идут мимо мясосовхозов Казакстана, мимо хлопковых плантаций Узбекистана, Азербайджана, где огромные богатства и почти нет железных дорог. Автомобиль должен сменить верблюдов в этих местах. Пробег показал, что советская машина готова для этой работы.

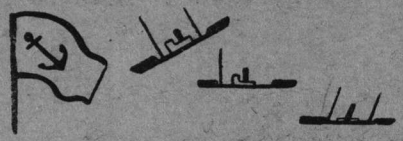
Через тайгу по воздуху

13. Вереницы самолетов — пассажирские и почтовые авиолинии. Над тайгой, над тундрой, над морем, над льдами, над горными хребтами—везде открыт им путь.

Водные дороги

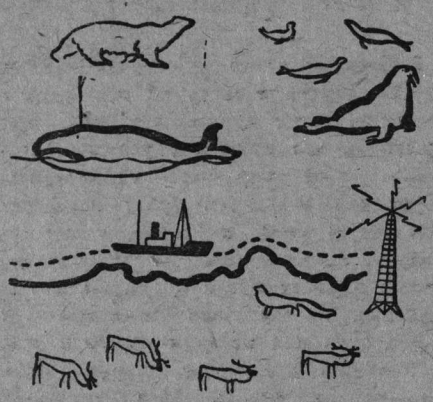
14. Каналы, которые соединят водные внутренние пути Союза в одну систему. Проследите по карте: из Байкала можно будет приехать водою в Баку, в Москву, из Архангельска через Беломорско-Балтийский канал в Ленинград.

Советские флаги



15. Флаги вьются над портами. Самые важные из них—Ленинград, Мурманск, Одесса, Игарка, Владивосток — указаны на карте.

Борьба за Север



16. Полярный Север — богатый край. Бесчисленные косяки сельдей и трески, киты, тюлени, белые медведи, песцы, громадные стада оленей бродят по тундре, и мы должны их еще увеличить— очень хороши у них мясо и мех; лесные богатства Сибири легче всего вывезти по могучим рекам в Полярное море. Советские и иностранные пароходы спешат использовать короткое лето, и им помогают ледоколы. Целая сеть радиостанций дает сводку погоды, предупреждает суда о тяжелых льдах и враждебных ветрах.

Будущая страна апельсинов

17. Это наши субтропики. Место, где нет морозов. Там растет чай, там хотят разводить столько апельсинов и лимонов, чтобы их ели все трудящиеся Союза.

Самые дальние школы

18. Потому что это школы у тех народов, которые при царизме не имели даже азбуки. Ими советская власть особенно гордится.

На штурм стратосферы

19. 30 сентября из Москвы поднялся стратостат «СССР» и достиг 19.000 метров высоты. Нам нужно завоевать не только воду, подземные недра, но и воздух. С помощью специальных приборов, установленных на стратостате, ученые исследуют верхние слои атмосферы.

Организуйте в школах и отрядах подписку на журнал „ПИОНЕР“

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 мес.	50 к.
„ 3 „	1 р. 50 к.
„ 6 „	3 „ —
Цена отдельн. номера	25 к.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Сдан в набор 20/X—33 г., подписан к печати 10/XI—33 г. Изд. № 1'23 Формат 1/8 62×94 см. 1 1/2 б. л. 135000 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—62863 Типография газеты „Правда“, Москва, ул. им. Горького, 48. Заказ № 2458. Тираж 40.000 экз.